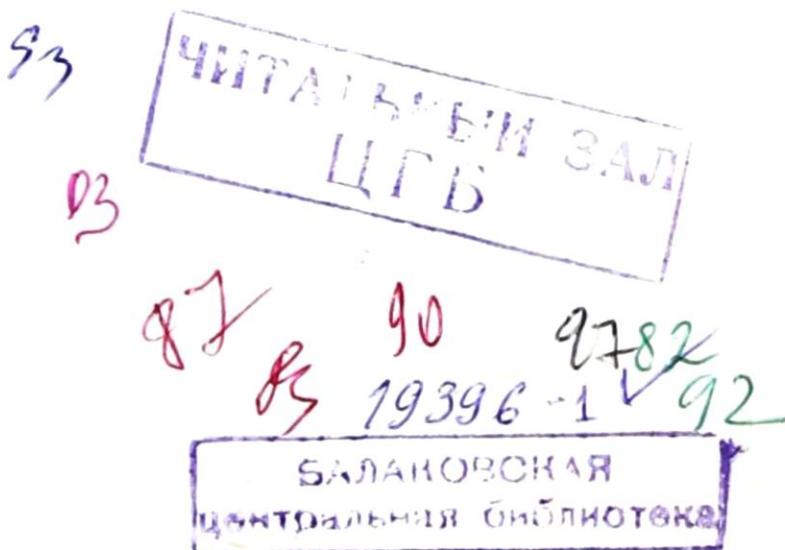

Ярослав Галан
в Саратове

83.3 (2)
Г15

б о р

Ярослав Галан в Саратове

Издательство Саратовского университета
1981

913

Я 76

Предлагаемый сборник посвящен выдающемуся украинскому советскому журналисту и писателю Ярославу Галану (1902—1949 гг.), погившему от рук убийц — украинских буржуазных националистов и агентов Ватикана.

Впервые издается на русском языке ряд публицистических произведений, созданных во время пребывания автора в Саратове и прозвучавших на волне украинской радиостанции имени Т. Г. Шевченко. Читатель познакомится также с воспоминаниями близких писателю в саратовский период жизни людей, боевых соратников по журналистскому цеху.

Составитель И. И. Москвичев

Под редакцией Я. Г. Горелика

Г 284—37
165—81 1905040000
176(02)—81

© Издательство Саратовского университета, 1981 г.

Ярослав Галан в Саратове

ИБ 1640

Редактор В. И. Вилюмсон

Художник А. Г. Коновалов

Технический редактор Л. В. Агальцова

Корректор О. Н. Галанова

Сдано в набор 31.12.80. Подписано к печати 5.06.81. НГ08444.
Формат 70×100 $\frac{1}{2}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 2,90 (2,25+вкл.). Уч.-изд. л. 3,5.
Тираж 20 000 экз. Заказ 3389. Цена 50 к.
Издательство Саратовского университета, 410601, Саратов. Университетская, 42. Типография издательства «Коммунист», 410002, Саратов, Волжская, 28.

И. МОСКВИЧЕВ
В незабываемые дни 42-го...

Эта зеленая, взбегающая круто от Волги улица теперь носит его имя. На ней под номером 21 стоит одноэтажное кирпичное здание, в котором работал журналист и писатель-боец, о чём золотыми буквами написано на мемориальной доске. Отсюда в годы Великой Отечественной войны вела передачи украинская радиостанция имени Тараса Шевченко.

Напряженная работа Ярослава Галана в Саратове, длившаяся с января по октябрь 1942 года,— это непрерывная битва с лютым врагом. Здесь создавались галановские памфлеты, обозрения, страстные комментарии, которые читал сам автор. Здесь в «закапелке», как товарищи Галана образно называли полутемный чуланчик, ночами он слушал различные сообщения, информационные выпуски радиостанций мира. С величайшей выдержкой фиксировал писатель-боец геббельсовские бредни с их неслыханной фальсификацией фактов, чтобы в очередных своих выступлениях перед миллионами рассказать правду, вселить в людей, до которых через кордоны оккупантов доходил голос радиостанции, горячую убежденность и веру в нашу победу и тем самым придать им новые силы для сопротив-

ления и мщения фашистским извергам. Здесь рождались его статьи тех дней суровой борьбы.

Сегодня Галан, наверное, с трудом бы узнал столько раз исхоженную Провиантскую: выросли новые здания, рядом с бывшей радиостудией — новое многоэтажное общежитие, где живут питомцы индустриального техникума имени Юрия Гагарина. На улице и вокруг — клиники мединститута, новое здание кардиологического центра. А в доме № 21 теперь не студия радиокомитета, а просто городской радиотрансляционный узел. Но и сегодня чувствуешь:

Над ним не властны время и пространство.

Незабываемы его дела.

И ныне видится:

в шинели, той, солдатской,

Идет в грядущее по бывшей Провиантской —

По улице Галана —

Ярослав Галан.

Мемориальная доска заставляет вспомнить: заснеженная, продуваемая бешеным январским ветром улица. Окна домов оледенели от жгучего мороза. Холодные комнаты радиоредакций полны кипучей жизни.

В один из таких первых дней января 1942 года здесь появился человек в военной шинели, не знакомый сотрудникам радиовещания. Это был Ярослав Галан.

Незадолго до прихода сюда у него был разговор с представителем ЦК компартии Украины.

— Вы владеете иностранными языками?

— Несколькими. В том числе немецким.

— Прекрасно. Вас ждет ответственное дело.

— Приятно слышать, тем более, что я уже подал заявление в военкомат. И прошу замолвить словечко, чтобы ускорить рассмотрение моей просьбы.

— Считайте, что мы рассмотрели и решили.

— Полагаю, вы удовлетворили мое желание — в действующую армию, на фронт.

— Только так. С той лишь разницей, что воевать будете на фронте в эфире.

Так он стал комментатором украинской радиостанции, действовавшей тогда на нашей саратовской земле.

Работа радиокомментатора требовала больших знаний, журналистского мастерства, боевой оперативности. И он выполнял ее со всей страстью своего сердца. Имея острое политическое чутье, выработанное годами борьбы за народное дело, он быстро проникал в самую суть явлений. Потому о многообразных событиях в тогдашнем мире судил безошибочно. И его произведения метко разили фашизм, его главарей и их прислужников — украинских буржуазно-националистических предателей.

Следует обратиться к некоторым моментам из прошлого. Ярославу Галану пришлось столкнуться с фашизмом еще задолго до Великой Отечественной войны. За революционную деятельность он неоднократно сидел в польских тюрьмах. Его преследовали полиция, церковь, украинские буржуазные националисты и польские шовинисты. Но это не парализовало его воли к борьбе. Его отстранили от педагогической деятельности, он нашел выход — стал писать, печататься. Полиция закрыла украинские прогрессивные издания — он стал печататься в польских, даже в Варшаве, где работал вместе с Вандой Василевской в газете «Дзенник популярни». Посыпал свои произведения в органы печати Советской Украины.

И вот Западная Украина воссоединилась с Украиной Советской. За полтора года работы в условиях советской власти (с сентября 1939 года до

начала Великой Отечественной войны) Галан опубликовал более ста художественных и публицистических произведений, воспевая в них новую жизнь, бичуя то, что мешало социалистическому строительству. Вместе с тем он активно вел общественную работу и накапливал материалы для художественных полотен.

Чтобы зримо представить себе облик Галана в саратовский период его публицистической деятельности, нужно знать, видеть, каким был наш город в то трудное, грозное время. Галан постоянно находился в гуще событий нелегкой жизни Саратова.

Ярослав Александрович вместе с саратовцами и со своими земляками-украинцами, которые приехали в наш город в эвакуацию, нес напряженнейшую фронтовую вахту. Это были дни отчаянного недостатка тепла, электричества, нехватки продовольствия и в то же время огромной, нечеловеческой энергии гвардейцев труда. Харьковский завод «Серп и молот», машиностроительные предприятия Полтавы в холодных, неприспособленных цехах развернули свое производство буквально за два месяца. На помощь коллективам этих и других эвакуированных предприятий пришло более 5 тысяч молодых горожан, около трех тысяч студентов. Город потеснился, из каждого двух коек одну отдавал своим братьям — украинцам, белорусам, молдаванам. За полгода 100 тысяч эвакуированных граждан приютил Саратов.

Ярослав Галан был на первых плавках у серпомолотовцев, он провожал на фронт эскадрильи и полки саратовских «яков», появлялся среди зенитчиков, охранявших небо города. Он выступал перед ранеными воинами в госпиталях, жил интересами украинских хлеборобов, которых приняли в заволжских степях саратовские крестьяне. Доводилось ему

и дежурить на крышах во время налетов вражеской авиации.

Галан гордился тем, что Саратов за первый военный год удвоил выпуск промышленной продукции — в условиях недостатка электричества и опытных рабочих, без всего другого, что в мирное время просто необходимо для роста.

Неустанный публицист-боец систематически выходил в эфир, выступал в газетах, на митингах творческой интеллигенции. Его радиокомментарии и памфлеты после прочтения у микрофона становились листовками и доставлялись на самолетах за линию фронта. Гневные слова Галана летели на захваченную, но не покоренную врагом землю, чтобы поднять на борьбу новые отряды мстителей.

Никто не знал, когда он отдыхал. Он работал везде и всегда, чувствуя себя ответственным за все происходящее вокруг. Сердце его было отдано борьбе за счастье человека, за светлое завтра.

Шагая по саратовским улицам, носящим имена пламенных революционеров, героев гражданской войны, великих писателей, как бы листая книгу истории народной жизни, Галан тщательно обдумывал содержание предстоявших радиопередач. Мысленно обращаясь к своим братьям — украинским воинам, партизанам, подпольщикам, к населению, временно подавшему под фашистское иго, он чувствовал в делах и свершениях большогоолжского города биение пульса отечества.

Галан жил на улице Чапаева, рядом с Волгой, в доме № 3. По ходу к центральной части города она пересекает бывшую Крапивную в непосредственной близости от дома, в котором в августе 1857 года побывал Тарас Шевченко. Мемориальная доска была установлена на доме еще в тридцатые годы. По этим улицам не однажды проходил Ярослав

Александрович. По свидетельству Галины Углецкой — бывшей сотрудницы украинской радиостанции, Ярослав Галан с глубоким интересом знакомился с памятниками истории и культуры, памятными местами, говорящими о славных революционных традициях города и области. Он посетил памятную святыню русской культуры — Дом-музей Николая Гавриловича Чернышевского, побывал в музеях имени А. Н. Радищева и краеведческом. Впечатления от виденного и услышанного отложились в его сознании навсегда.

Мне и другим товарищам из областного радиокомитета приходилось не раз принимать оперативные меры по улучшению обстановки для работы украинских радиоредакций, по обеспечению четкого выполнения радиопрограмм. Надежной технической базой украинского радиовещания были тогда студия, аппаратные, длинноволновый и коротковолновый передатчики саратовского радиоцентра, который возглавлял И. И. Железнов. Радиопередающие станции работали строго на прежних киевских радиоволнах, привычных для радиослушателей с дооценного времени.

Возрастал накал сражений на фронтах — усиливалось творческое горение Ярослава Галана. За вторую половину февраля, например, он выступил у микрофона 12 раз. Вот названия некоторых радиокомментариев-памфлетов, как меч разящих гитлеровских захватчиков и их прихвостней: «Шелудивые овцы», «Берлинские фокусники», «Гуляй, дурень!», «Гангстер на трибуне», «Свинья похваляется», «Изуверы-реформаторы».

В то время на страницах областной газеты «Коммунист» систематически печатались статьи, корреспонденции, заметки, призывающие саратовцев изо дня в день наращивать помочь воинам.

Например, 17 февраля третья полоса дана под шапкой «Линия фронта проходит через каждый завод», а на следующий день подборка материалов напечатана под шапкой «Работая в тылу, живи интересами фронта». 23 февраля газета вышла с передовой статьей «Героическая армия героического народа», опубликованы статьи и корреспонденции о беспредельном мужестве защитников Родины. 28 февраля газетная передовая статья «Ни часа промедления с подготовкой к севу» напомнила труженикам тыла, что хлеб в войну, как и в мирные дни, — всему голова. Без него нельзя одержать решающих побед на фронте.

Трудящиеся области отдавали всё выполнению заказов фронта, они продолжали пополнять ряды сражающейся армии. Ведь только добровольцами ушло на боевые рубежи более 100 тысяч человек. С полной самоотреченностю трудились фронтовые бригады. Они знали: победа в тылу — на фронте победа. Фронт всюду. И с этой мыслью становились на трудовую вахту.

Материалы «Коммуниста» были всегда на виду у Галана, часто находили отзвук в его радиовыступлениях, когда он говорил о людях труда, их доблести и свершениях.

Живя думами и стремлениями героев фронта и тыла, Галан написал в весенне-летние месяцы ряд произведений, получивших горячий отклик радиослушателей.

...Началась великая битва под Сталинградом. Наша область оказалась в прифронтовой полосе. В Саратове было объявлено военное положение. Бойвой порыв, неизбывное желание саратовцев внести свой вклад в разгром врага царили на всех предприятиях, колхозных и совхозных полях, на транспортных магистралях. В небывало короткие сроки

под бомбёжками была проложена железная дорога Стalingрад—Саратов—Ульяновск—Свияжск. Саратовские, балашовские, ртищевские, покровские железнодорожники под бомбами напрягали все силы, чтобы быстрее продвигать эшелоны к фронту.

Волга принимала на себя ожесточенные удары врага в дни развернувшейся Сталинградской битвы. Но ни у кого из советских патриотов не было сомнения в том, что фашистские полчища потерпят поражение.

Комментируя в те дни события, происходящие на полях сражений и на оккупированной гитлеровцами территории Украины, Ярослав Галан говорил об этом с исключительной выразительностью.

В радиокомментарии-памфлете «Большой вальс», переданном по радио в сентябре, есть такие строки: «Недавно гитлеровское радио в торжественном тоне опубликовало новый «декрет» рейхс комиссара оккупированной Украины Эриха Коха о назначении немца Фастлендера киевским концертмейстером. Разграбленный, растерзанный Киев может теперь «радоваться»: по милости его бандитской ясновельможности Коха он получил... концертмейстера.

Для кого будет играть герр Фастлендер? Кого будет развлекать этот музыкант из гитлеровского зверинца? Киевлян? Нет, киевляне не танцевали и не будут танцевать под немецкую дудку. Кроме того, у них есть свои песни, которые они не забыли и не забудут никогда. Песни, с которыми они шли в бой в 1905 и 1917 годах, с которыми строили свою творческую и радостную советскую жизнь, с которыми отстаивали свой город от немецких орд в грозные и героические дни 1941 года».

И далее: «Мы помним инструкции Геббельса, в которых концертмейстер фашистской пропаганды

советовал успокаивать расшатанные нервы гитлеровских солдат музыкой. Тогда из Берлина на советско-немецкий фронт вагонами шли граммофонные пластинки. В этом году Гитлер обещал лучше подготовить немецкую армию к зимней кампании, и поэтому он и Геббельс послали теперь, кроме пластинок, еще и живого Фастлендера, заданием которого будет исполнение большого вальса для истекающей кровью и замерзающей фашистской орды».

В заключительной части радиокомментария говорится: «В результате второй летней кампании на советско-немецком фронте гитлеровская армия оказалась в тупике. Еще никогда отпор нашей армии не был таким сильным, еще никогда немецкие войска так не истекали кровью, как теперь. Наши бойцы знают, что они, сражаясь насмерть, приближают час нашей победы, их подвиги порождены любовью к Родине, жгучей ненавистью великого народа, который не может не победить.

Оккупанты хотят развеять свой страх перед неминуемым концом музыкой. Заиграем же им большой вальс, заиграем оркестром всех родов оружия, заиграем так, чтобы они дотанцевались до последнего своего дыхания. Заиграем им большой вальс смерти...»

А вот радиокомментарий «Погоня за смертью». Он написан немного позднее «Большого вальса», в разгар битвы за город на Волге. От первого до последнего слова он пронизан верой в неминуемый разгром врага у волжского рубежа.

Не касаясь иных публицистических приемов и образов, использованных Галаном, обратим внимание лишь на образ поезда, который должен был отправиться на Сталинград к долгожданной «победе» по гитлеровскому расписанию, еще в конце авгу-

та. Но прошли все сроки, а «красный глаз сталинградского семафора» не пускает его вперед, наполняя сердца солдат вермахта суеверным страхом. Последние строки этого радиокомментария звучали суровым приговором: «Немецкие генералы спешат на единственный поезд, который еще остается в их распоряжении, на поезд смерти. Этот поезд мчится приволжскими степями — в черную ночь, в мир небытия и смерти».

В этом комментарии есть слова, говорящие о том, что выходит за пределы сражения на Волге: эхо незатихающей канонады на подступах к Сталинграду летит далеко на запад, в хмурую европейскую ночь и пробуждает к жизни миллионы сердец. Чем дальше, тем сильнее зовет сталинградский набат, чем дальше, тем яснее восходят зори свободы над Европой.

Забегая вперед, скажем, что отклик-комментарий «Сталинград», написанный публицистом уже после отъезда из Саратова, явился как бы логическим продолжением и завершением того, что предсказывалось им в предыдущих комментариях. Он прозвучал в эфире сразу же после сокрушительного разгрома советскими войсками гитлеровских полчищ на приволжской земле. Ярослав Галан восторженно приветствовал победителей, отмечая, что сталинградская битва стала «синонимом победы над варварами XX столетия».

Но война не закончена. И Галан призывает своих соотечественников к тому, чтобы Украина стала для гитлеровцев вторым Сталинградом.

Вскоре после приезда Галана из Саратова в Москву, в 1943 году, мир услышал его слова на московской волне в статье «Наша сила — в единстве»: «Если бы не помочь русских братьев, Украина была бы обречена на гибель».

Потом он скажет и такие проникновенные слова:
«На страже свободы и независимости Украины
крепко стоит могучая советская Москва — столица
и символ великого социалистического отечества —
СССР».

Значение галановских публицистических произведений велико. Исследователи жизни и творчества Галана отмечают, что они стали классикой советской журналистики. Написанные с глубоким знанием дела, с величайшей ответственностью за судьбу человечества, они отличаются политической острой, высоким литературным уровнем. Его статьи и памфлеты сегодня помогают честным людям земли видеть происки милитаристов, фальсификаторов истории, призывают быть бдительными к козням противников разрядки международной напряженности, отвергать и разоблачать их идеологические диверсии, ложь и клевету на страны социализма.

Цель нашего сборника — воссоздать образ Ярослава Галана саратовских дней и некоторые моменты его жизни в последующее время. В нашем городе он выступил перед микрофоном с комментариями-памфлетами выше двухсот раз. Часть из них вошла в книгу «Фронт в эфире», которая была издана в Москве в 1943 году на украинском языке. Почти все произведения из этой книги, написанные в Саратове, кроме оговоренных особо, впервые на русском языке публикуются в нашем сборнике. Перевод — преподавателя СГУ Г. Чубенко. Часть материалов сборника — свидетельства современников, близко знавших Галана. Они собраны благодаря поиску и широкой переписке бывших саратовских радиоработников, секции военно-патриотической пропаганды Саратовской областной организации Союза журналистов СССР, а также литкружковцев Саратовского городского Дворца пионеров.

Фронт в эфире

ЯРОСЛАВ ГАЛАН

Черное и красное

С четырнадцатого марта 1942 года, когда в Риме было составлено так называемое «немецко-итальянское экономическое соглашение», вступил в действие, как сообщили итальянская пресса и радио, правительственный декрет об уменьшении хлебного пайка с 200 до 150 граммов.

Сопоставление этих двух фактов ярко иллюстрирует положение Италии, в частности, показывает характер немецко-итальянского «экономического соглашения». Комментарий итальянского министра внутренних дел, в котором тот с редкой для фашистов откровенностью признал, что все продовольственные товары, «которые не являются сугубо необходимыми для итальянского народа», будут отправлены в Германию,— это только официальное подтверждение того, о чем знает каждый итальянский ребенок, того, что он ощущает всем своим существом: фашизм — это настоящий и единственный враг его родины!

150 граммов хлеба в день! Это приблизительно одна треть того, что в домуссолиновской Италии получал ежедневно осужденный на каторгу узник. Однако теперь, после двадцати лет существования

фашистского режима на Аппенинском полуострове, население Италии не имеет даже тех жизненных условий, которые имели когда-то подневольные жители итальянской Гвианы — Липарских островов. Лишенные каких бы то ни было гражданских прав, низведенные до уровня древнеримских рабов, гонимые на протяжении семи уже лет на убой, высылаемые сотнями тысяч на работу в немецкой военной промышленности, широкие массы итальянских нищих получают от дуче новый подарок — 150 граммов хлеба в день...

Нет сомнения в том, что на заседании итальянского совета министров, как и всегда в таких случаях, присутствовал немецкий посол в Риме Макензен, этот «гаулейтер» итальянского «жизненного пространства». Нет также сомнения в том, что, как и всегда, его слово было там последним словом. Возможно, что во время заседания Муссолини и его министры кусали себе кулаки от страха перед доведенным до отчаяния народом, однако же декрет был принят, ибо такова была воля фюрера, не кого-нибудь. Жители Рима давно уже вытащили бы своего дуче из дворца «Венеция» и с привязанным на шею камнем спустили бы в мутные воды Тибра.

«В такой бедной стране, как Италия, народ привык к нищете», с чисто фашистским цинизмом заявляет агентство Стефани, желая таким образом успокоить итальянский народ. Бессспорно, за 20 лет господства фашизма этот народ имел возможность привыкнуть к тому, что Неаполь, город с наилучшим на нашем континенте климатом, имеет сегодня наибольшую смертность из всех городов Европы. Он имел возможность привыкнуть и к тому, что на протяжении этого, сравнительно короткого времени, на крестьян-арендаторов — а их в Италии подавляющее большинство — наложены такие подати, что

тысячи и тысячи из них были вынуждены перестать платить аренду, вследствие чего оказались без земли и без пристанища.

Многое пережил этот народ за последние годы и многому научился. Особенно же поучительными стали для него последние двадцать месяцев. Одетые в серые мундиры батраки-кафоне со слезами на глазах шли под смертоносный огонь французских, английских и греческих батарей, гибли, словно мухи, в горах Албании и в горячих песках Ливийской пустыни, потому что этого хотел «маршал от поражений» — Муссолини, потому что этого требовал кровавый немецкий фюрер.

Они воевали и терпели лишь одни поражения. Не только потому, что имели плохое командование. Итальянский нищий в мундире не хотел и не хочет воевать. Летом 1941 года, когда его послали на Восточный фронт, на помощь нацистской орде, он еще меньше знал, зачем он, батрак-кафоне, должен убивать советских рабочих и крестьян. Когда же раненый он вернулся на родину, то увидел на улицах исхудавшие, бледные, как смерть, лица детей и самодовольные, лоснящиеся физиономии людей в немецких мундирах, перед которыми услужливо уступали дорогу на тротуаре такие надменные прежде чернорубашечники и карабинеры. Это был еще один и, возможно, наиболее поучительный урок, который пришлось усваивать итальянскому солдату.

А потом, после выздоровления, его, инвалида, послали на работу в Германию. Послали вместе с 500 000 других итальянских трудящихся, обреченных палачом Муссолини на нечеловеческий труд ради грабительских интересов немецкого оккупанта. Потом он узнал из газет, что Гитлеру мало пол-миллиона белых рабов из Италии, что он от своего

лакея из дворца «Венеция» требует еще триста тысяч человек.

Белый раб-кафоне редко получает письма с родины, ведь в его селе грамотных совсем немного. Но в этих немногих письмах, которые он в кои веки получает, каждое слово, несмотря на цензуру овры и гестапо, звучит жалобой, клокочет гневом. Кафоне лишает себя часа сна, он садится и пишет неуклюжими буквами ответ. Но в нем уже нет жалобы, есть только пылающий, как раскаленное железо, гнев.

Это о нем, наверное, и о миллионах таких, как он, думал фашистский господинчик из газеты «Илья воро фашиста», когда не так давно писал: «Целые группы населения, а не только отдельные лица, действуют вразрез с фашистскими устремлениями».

Есть поблизости от Неаполя гора Везувий, в темные ночи поднимается над ней кровавое зарево от подземного огня. Если прислушаться внимательно, слышно, как минутами судорожно содрогается земля прекрасной Италии, содрогается перед великим сотрясением, которое произойдет скоро. В мыслях обездоленного кафоне тот же самый огонь, тоже самое, подобное кипению, беспокойство.

Кафоне знает: сегодня ходят еще по его земле люди в ненавистных черных рубашках и в ненавистных серо-зеленых мундирах. Но завтра, в день великого народного взрыва, исчезнут сметенные его, кафоне, гневом и серо-зеленые мундиры, и черные рубашки.

В этот день кафоне наденет красную рубашку, в которой отряды Гарибальди боролись за свободу и — побеждали.

Март.

Собачья служба

Известно, во что превратил Гитлер часть немецких женщин. О духовном облике этих нацистского воспитания гретхен красноречиво свидетельствуют их письма к мужьям на фронт, письма, которые вместе с адресатами попали в руки наших бойцов. Это уже даже не известные немецкие «три К», это еще что-то меньше. Идеалом немецкого бургера была когда-то тихая и покорная Амалия с кроткими глазами святой Геновефи, которая бы на цыпочках ходила вокруг своего мужа, играла ему сентиментальные песни на фисгармонии или цитре и умела бы варить вкусное какао.

Теперь от Амалии не требуют уже музыкальности, не ищут у нее кротких глаз. Наоборот, чем больше наглости будет в ее глазах — тем лучше. Сегодняшняя гитлеровская Амалия должна быть достойной спутницей своего мужа: такой же тупоумной, как и он, такой же кровожадной. А если речь идет о ее месте в семье и обществе, о ее правах, то тут фашизм резко ограничивает женщину от мужчины. Амалия не должна ни в коем случае вмешиваться в дела, которые непосредственно не связаны с ее домашним хозяйством и детьми. Она должна заботиться о своем здоровье, потому что этого требует ее физиологическая миссия: поставка фюреру все свежих и свежих контингентов здорового и крепкого пушечного мяса. В свободные от работы для фюрера и фатерланда минуты Амалия должна умело развлекать утомленного «государственной работой» своего мужа и господина в одном лице. Когда же злой рок, вместо того, чтобы дать Амалии мужа или работу, бросит ее в объятия проституции, она должна во имя Адольфа Гитлера утешать его бравых вояк с энтузиазмом, которого

незадолго до того требовал сам Геббельс от этих, по его словам, «таких несчастных, а таких полезных немецких сестер».

Вот и все, чего требует Адольф Гитлер от женщин, вот круг их обязанностей и интересов, определяемый идеологией фашистских мракобесов, которые хотели бы половину человеческого рода низвести до уровня бесправных гелотов. Им чуждо чувство уважения к женщине, к матери. Нет, они рассматривают их глазами помещичьего эконома, который с трубкой в зубах и с плеткой в руке изучает на ярмарке породистых коров.

На такое дно унижения и позора столкнули немецкую женщину десять лет существования гитлеровского режима!

Сегодня такую же, и даже еще худшую, еще более позорную судьбу готовят немецкие оккупанты украинской женщине. В этой работе они, как и всегда в таких случаях, нашли себе верных помощников в зачумленном лагере украинских националистических холуев. Эти преданные оруженосцы берлинских вершителей их судьбы, всех этих гауляйтеров, шарфюреров, вплоть до немецкого уличного полицейского включительно, из кожи лезут, чтобы превзойти в черносотенстве своих гитлеровских дрессировщиков.

На этих днях один из украинских канцеляристов геббельсового ведомства зачитал по радио информацию о создании в оккупированных советских районах женской организации под названием «Женская служба для Украины». Заданием этой организации должно быть, как заявил канцелярист, «создание нового типа украинской женщины».

Что же это за новый тип женщины предлагают создать националистические невежды? Послуша-

ем манифест этой служебной организации. Он звучит приблизительно так:

«Украинская женщина должна быть здоровой физически и морально матерью». «Здоровой физически?» Понимаем. А морально? Это значит, что она должна воспринять гитлеровскую мораль с ее фашистской грязью. Это значит, что она должна покорно примириться со своей ролью, с ролью машины для деторождения, с ролью обездоленной, презираемой рабыни, лишенной каких бы то ни было прав на человеческую жизнь с ее большими радостями и страданиями, с ролью существа, обреченного уже с малых лет на жизнь без мечты и стремлений.

Спросите: значит, этой мятущейся кайновой своре также нужна родильная машина? А ведь дети этих машин, как «расово малостоящие», давным-давно обречены Гитлером на то, чтобы быть только рабочим скотом... или пушечным мясом, которое без протesta погибало бы, во славу нацистской Германии!..

Так, это все правда, однако националистические приспешники именно с такой судьбой своей и своих детей примирились уже давно, еще тогда, когда впервые пали ниц перед фюрером.

Что же еще говорится в знаменитой программе «Женской службы для Украины»?

«Украинская женщина должна стать носителем западной культуры». Вот оно что, западной культуры! Очевидно, не культуры «масонской» Англии, не культуры бунтарской и... «негроидальной» Франции, и, наконец, не культуры Германии тех времен, когда немецкая молодежь читала и увлекалась произведениями Шиллера, Гете и Гейне. Нет, западной культурой они называют «культуру» врага культуры Адольфа Гитлера, который публично по-

хваляется своей некультурностью... «Культуру» варварской, дикой, разнужданной орды хотят привить украинской женщине денщики из кухни рейхскомиссара Коха.

Они хотят... Но все дело в том, что они этого не сделают, они этого не смогут сделать. Украинская женщина, освобожденная Октябрем, никогда уже и никому не позволит надеть на свою шею ярмо! Украинская женщина за последние двадцать пять лет выросла так, что не склонить, не сломить ее немецким оккупантам, ни их жалкому охвостью.

Украинская женщина — это инженер, это врач, это учитель и воспитатель, это государственный деятель, это, наконец, мать славных сынов Советской Отчизны, которые сегодня с таким беспредельным героизмом защищают свою чудесную страну от врага, которые бьют его так крепко и так последовательно, что скоро придет время, когда на нашей священной земле и следа не останется ни от немецких захватчиков, ни от их мерзких лакеев! В этой войне мужественно и бесстрашно воют плечом к плечу с бойцами героическая и прекрасная украинская женщина.

А теперь еще несколько слов о «Женской службе для Украины». Сообщая о ее создании, геббельсовский канцелярист указывал, что эта организация создана вместо прежнего «Союза украинок». Почему? Об этом испуганный канцелярист не сказал ничего. Он проговорился только, что этого требует «новый дух времени» и «изменившиеся обстоятельства». Значения этих таинственных слов не трудно отгадать. Немецкие оккупанты держат своих украинских холуев на короткой привязи. Никаких партий, никаких союзов, только служба, служба и служба!

Вот почему не «союз», а «служба»...
Собачья служба.

Март.

Пощечина

Из множества пощечин, которые получает Адольф Гитлер, едва ли не самая болезненная досталась ему от украинской интеллигенции.

А он ведь ожидал иного. Ему казалось, что украинская интеллигенция из того же теста, что и кучка иуд-мельников, шухевичей, левицких, которые околачивались на задворках гестапо, всегда готовые оказать самые гнусные услуги немецким империалистам. Он надеялся, что в Киеве навстречу его орде выйдет цвет украинской интеллигенции, выйдет с хлебом и солью и с поклоном попросит фашистских «варягов» управлять-распоряжаться богатой землей украинской.

Его ожидало горькое разочарование. В день, когда гитлеровские ватаги вторглись в столицу Украины, они увидели безлюдные улицы, заводы без машин, лаборатории без оборудования, опустевшие кабинеты ученых и писателей. Наглый, спесивый оккупант стиснул от гнева зубы. Нацистские газетчики напрасно рыскали по всему городу, пытаясь найти хотя бы одного украинского интеллигента с известной фамилией. Они метались, бегали, звонили, колотили кулаками в двери и — не находили никого.

То же самое было в Харькове, то же самое — в Одессе и Днепропетровске. Интеллигенция Советской Украины была верной своей Родине в дни

радости, она осталась ей верна и в дни великого народного горя. Она покинула свои дома, пошла вместе со своей армией на восток, с одной только мыслью, с одним только стремлением: бороться, бороться до последнего дыхания с проклятым врагом, этой борьбе отдать все свои силы, все свои творческие способности, а если нужно будет, то и последнюю каплю крови.

Люди, которыми гордится вся Украина, плакали от горя и обиды, когда узнавали, что улицы их родных городов топчет грязная гитлеровская свора. Их глаза озаряются большой человеческой радостью при каждом известии об успехе Красной Армии. Но и в горе, и в радости они чувствуют себя верными солдатами Украины. Украины страдающей, борющейся, побеждающей. Для этой победы они отдают всю свою энергию. Максим Рыльский никогда еще не работал с такой страстью, с таким творческим огнем, как теперь, в наши грозные и великие дни. Юрий Яновский пишет строки, которые войдут в историю украинской литературы как документ подлинного искусства и пламенного патриотизма. Кипучая энергия академика Богомольца зажигает других, под его руководством украинская Академия наук стала сегодня грозным оружием в руках Красной Армии. Артисты, певцы, художники трудятся с таким неповторимым, волнующим энтузиазмом, с каким могут трудиться только дети поистине великого народа, который никогда не покоряется, никогда не забывает и никогда не прощает...

Об этом знают гитлеровцы, они стервенеют в бессильной ярости, но ничего сделать не могут. Моральный Седан, который испытали немецкие оккупанты на Украине, стал фактом, с которым им поневоле приходится считаться. Правда, они повышаскивали из пивных мелкий сброд, наказав

ему именоваться учеными, литераторами, художниками, поволокли его на трибуну, эстраду, к микрофону, чтобы за сотню-две оккупантских марок славословил кровавого фашистского Торквемаду. Однако даже у этих плюгавых существ рука отказывается поставить подпись под документом их позора: гайдуки Коха предпочитают выступать анонимно...

Они знают: после пощечины придет нечто худшее — расплата.

Апрель.

Пираты эфира

«Радио-Вайксель» — сорище разношерстных тварей из зверинца Геббельса. Их жалкие попытки заинтересовать своими передачами население оккупированных советских районов были обречены на провал уже с первых дней существования этой станции просто потому, что эти передачи никто не слушал. Но потом оккупанты решили применить принудительные меры: на всех перекрестках появились громкоговорители, и с этого времени прохожим волей-неволей пришлось потреблять гитлеровскую «духовную пищу».

Какая же это пища?... Почти каждая передача начинается с бульварной песни, где обязательно говорится о любовных вздохах под сиренью, о несчастной любви проститутки. Чтобы до краев «покорить» чистое и мужественное сердце советского слушателя, эти недотепы угощают его дополнительно старомодными шедеврами вроде «Прощай, мой ангел, бог с тобой...»

Управившись таким образом с «художественной» частью своей программы, гитлеровские радиоидиоты начинают передавать «информации с фронта». Эти «информации» уже так основательно пережеваны берлинской радиостанцией, что чинушам из «Радио-Вайксель» приходится подогревать их повторно. И вот вдруг оказывается, что на «среднем секторе Восточного фронта», где берлинское радио в такой-то день «убило» 500 красноармейцев, в немецкой передаче на русском языке их уже гибнет тысяча, а в более поздней, на украинском... свыше тысячи пятисот. Как видите, стараются лакейчики... «Победив» таким образом в тысячный раз уже Красную Армию и «сбив» очередную тысячу наших летчиков, дикторы господина Геббельса передают «материалы» из английских и американских газет, материалы, характерные тем, что их никогда ни в английской, ни в американской прессе не было. Всю эту свою малопочетную работу выполняют дикторы с претенциозным кривляньем типичных маломестечковых альфонсов и их достойных компаньонок...

После кратких «информаций» альфонсы вдруг «набирают высоту» и в трогательных красках рисуют жизненные блага, которыми будто бы наслаждаются жители «третьего рейха». Здесь уже геббельсовские пройдохи распоязываются без малейшего стыда. Старый пьянчуга-актер Блюменталь, который только с приходом гитлеровцев осознал свое «чисто немецкое» происхождение, рассказывает об идиллии, которую он якобы наблюдал во время своего недавнего пребывания в Германии, где был почетным гостем гестапо. По его словам, немецкому рабочему не хватает разве только птичьего молока, но герр Блюменталь не вспоминает ни одним словом о двухстах восьмидесяти пяти граммах сырого

го эрзац-хлеба, эту дневную норму немецкого рабочего.

Проходимец Блюменталь завирается даже до того, что твердит, будто бы в Германии, в этой стране наиболее жестокой и наглой диктатуры империалистов, есть... заводские рабочие комитеты. Он, видите ли, именует комитетами так называемые «бетрибсцеллен», то есть фашистские заводские ячейки, которые имеют цель следить за настроениями и поведением рабочих и обо всем доносить владельцу предприятия и гестапо. Не вспоминает эта новая гитлеровская «звезда» также о том, что хозяин предприятия в Германии является одновременно его «фюрером» — господином жизни и смерти своих рабочих.

После этой канальи перед микрофоном выступает другая. Эта уже говорит о цветах. ...О цветах, которые она «видела» везде, перед каждым немецким домом, на каждом немецком балкончике, на каждой немецкой улице. Одним словом, какой-то сплошной красочный ковер, по которому ходят, нюхая цветы, и Гитлер, и Геринг, и эсэсовцы, и вся братия поет на мотив «Германия превыше всего» вергилиевы идиллии. Наконец, геббельсовский шут договаривается до того, что советует жителям оккупированных районов... и себе сажать цветы на балконах.

Цветы на балконах... На тех самых балконах, на которых висят замученные гитлеровской сволочью советские патриоты.

Они несут чушь о немецких рабочих и немецких цветах. По их словам, у каждого немецкого рабочего есть свой домик и перед ним узорчатые клумбы. Конечно, эти гады предпочитают молчать о мрач-

ных, как смерть, и грязных, как гитлеровская совесть, восточных кварталах Берлина, о сырых и смрадных задворках почерневших от пыли и дыма венских рабочих районов Бригиттенau и Флорисдорф, где не увидите не только цветов, но и улыбающегося ребенка!..

Они умеют молчать о муках немецкого народа, миллионами гонимого на убой ради темных, грязных интересов фашистской своры.

Однако напрасен их труд, напрасны затраты геббельсовской кассы на бродяг с «Радио-Вайксель». Это радио, верное, кровное детище гитлеровского ублюдка, недолго уже будет осквернять эфир мутными волнами лжи, провокации и действительно-таки безграничного тупоумия.

Май.

Аванс *

Наместник и палач Чехии и Моравии Гейдрих был срочно вызван в Берлин. Мимо его машины пролетали села и города, на опустевшей дороге лишь изредка попадались прохожие. Угрюмым взглядом встречали они черного провозвестника смерти. Внезапно послышалась короткая, резкая автоматная очередь. В тот же миг всесильный повелитель и палач чехов, истекая кровью, как мешок, повалился на колени своего спутника.

А через полчаса на улицах Праги засуетились побледневшие, напуганные эсэсовцы. «Наместник

* Печатается по кн.: Галан Я. С крестом или с ножом/Пер. с укр. И. Новосельцевой. М., 1962, с. 15—17.

тяжело ранен, — за поимку виновных немецкое правительство назначает награду в десять миллионов крон», — кричали крупным шрифтом объявления. «В протекторате объявляется осадное положение; кто из чехов появится на улице после шести часов вечера, будет расстрелян!» — вещали еще более крупным шрифтом другие. Наспех мобилизованное гестапо приступило к работе. Через сутки после покушения было опубликовано сообщение о первых казнях: была расстреляна чешская семья из шести человек, среди них — две женщины и шестнадцатилетний юноша. С часу на час ожидали очередного списка расстрелянных.

Гейдрих был когда-то офицером. Уличенный в краже денег, он вынужден был оставить армию. Благодаря этому нацистская партия обрела еще одного члена и пламенного сторонника Гитлера. В 1940 году имя Гейдриха становится известным. За короткое время он истребляет восемьдесят тысяч поляков. Впоследствии Гитлер посыпает своего способного ученика в Югославию; здесь Гейдрих отмечает свое пребывание пятьюдесятью тысячами повешенных и расстрелянных сербов. То же самое кровавое дело он совершает потом в Норвегии. Осенью 1941 года он получает задание расправиться с чехами. В своей пражской усадьбе Гейдрих неутомимо подписывает смертные приговоры.

Когда ему уже казалось, что он окончательно справился с гордым, непокорным народом, ему призывают из Берлина поручение немедленно выехать во Францию, Бельгию и Голландию, чтобы и там потопить в крови освободительные стремления народов. Он проводит в этих странах реорганизацию гестапо и при каждом удобном случае издает приказы о массовых арестах и казнях.

Теперь работу палача Гейдриха взял на себя его

заместитель генерал Курт Далюге. Над Чехией на-
висла кровавая мгла нацистского террора. Но чеш-
ский народ не оставляет борьбу ни на час. У каж-
дого чеха только одна мысль: пробил час расплаты
с врагом. Эта мысль порождает не только отдель-
ных героев, она охватила весь народ и весь народ
подняла на войну против оккупантов. Эта война
вошла в фазу, когда никакое осадное положение,
никакие расстрелы не остановят ее, не задушат.
Чем больше чешской крови прольют гитлеровские
садисты, тем ожесточеннее будет сопротивление по-
томков Гуса и Жижки. «Белая гора не повторится
больше!» — эта клятва стала для чехов законом и
боевым лозунгом в героической освободительной
эпопее, разгорающейся сегодня по всей Европе,
везде, где свирепствует волчья свора Гитлера,
где слово «свобода» звучит как набат.

Этот набат, зовущий к свободе, зазвучал теперь
во всех странах от Средиземного моря до Нордкапа. Почти одновременно с покушением на Гейдриха неизвестный норвежский патриот убил выстрелом из револьвера шефа гестапо Западной Норвегии и его помощника. Через несколько часов после этого село, в котором были убиты гестаповцы, сжег дотла карательный отряд, все мужчины были арестованы, а их семьи вывезены в неизвестном направлении. Несколько дней тому назад литовские патриоты убили двух нацистских служащих. Оккупанты ответили на это расстрелом четырехсот заложников. На действия польских партизан гитлеровцы отвечают привычной исступленной жестокостью. Они расстреливают, они вешают, они гноят в концлагерях лучших представителей польского народа. Пришло известие о мученической смерти в одном из нацистских лагерей гордости польской литературы и науки, известного всему миру переводчика француз-

ских классиков, члена Союза советских писателей Украины, профессора Тадеуша Бой-Желенского. Но ни его смерть, как бы она для нас всех ни была тяжела, ни смерть неисчислимых безымянных героев порабощенной Европы не спасут нацистских изуверов от расплаты, не отведут карающую руку, уже сегодня сжимающую их горло.

Народы Европы проснулись. Три пули в хребте палача Гейдриха — это только аванс. Приближается час окончательной расплаты.

Это будет суд, какого еще не знала история...

Июнь.

Каннибалы

В 1939 году, после того как немцы заняли город Krakow, Гитлер приказал поставить «почетный» военный караул у гроба маршала Пилсудского, похороненного в Вавельском замке. Тогда гитлеровская пресса объясняла этот театральный жест благодарностью Гитлера Пилсудскому за его политику флирта с фашистской Германией. Однако речь шла о чем-то другом. Этой комедией он хотел усыпить бдительность других народов, которых по его плану Германия должна была поглотить спустя лишь некоторое время.

Что касается Польши, польского народа, то в сентябре 1939 года у Гитлера еще были иллюзии, что ему удастся с такой же быстротой превратить поляков в рабов-хлебопашцев, с какой удалось разгромить армию Рыдз-Смиглы. Но уже мужественная оборона Варшавы ее жителями показала, что иллюзии иллюзиями, а на полях гитлеровцы мо-

тут поломать себе зубы. Тогда Гитлер взялся осуществлять свой давний план: голодом и террором принудить польских рабочих и крестьян к тому, чтобы они, в конце концов, забыли, кто они такие и какого рода-племени.

Прошло какое-то время, и действительность второй раз уже развеяла маниакальные мечты Гитлера. Правда, сотни тысяч польских людей погибли за это время на виселицах и в концлагерях, сотни тысяч поляков с позорным клеймом на рукавах вывезены на каторгу в Германию, однако те, что остались, не только не склонили головы перед немецкими разбойниками, но и бьют их, где можно и как можно...

В связи со все более ухудшающимся положением Германии Гитлер решил в мае 1942 года сделать еще одну попытку обмануть поляков. Он предложил им выделить из своей среды самую шелудивую овцу, которая бы согласилась играть роль польского квислинга, причем обещал открыть некоторые польские школы и немного ограничить грабительский вывоз из Польши продовольствия. За все эти «блага» Гитлер требовал от поляков «немногого» — только полного покорения фашистской Германии и их участия в войне против Советского Союза...

Ждал Гитлер ответа поляков, да не дождался. Шелудивой овцы не нашлось, никто не изъявил желания разговаривать с генерал-губернатором Франком. Этой пощечины Гитлер не мог переварить спокойно. Он ответил на нее усилением террора. На головы поляков посыпалась новые сотни и тысячи смертных приговоров, открылся ряд новых концлагерей.

А потом произошло то, чего, в конце концов, можно было ожидать от Адольфа Гитлера, автора

людоедской книжки «Майн кампф». Однажды июньским утром нацистские приспешники в Польше получили от него приказ, на основе которого они на протяжении ближайших восьми лет, то есть самое позднее до 1950 года, должны физически уничтожить всех поляков...

И приспешники немедленно взялись за работу. Гитлеровский наместник в Западной Польше Грайзэр начал новый этап своей работы такими словами: «Пока на этой земле живет хотя бы одна польская женщина или ребенок, мы не можем считать ее нашей. Отныне право на эту землю будут иметь исключительно люди немецкой крови».

На сумасбродный приказ Гитлера откликнулась тотчас и его пресса. Журнал «Цейтшрифт фор политик» в июньском номере пытался даже дать теоретическое обоснование для этого очередного акта гитлеровского каннибальства. Вот что можно было там прочитать:

«Уничтожение другой нации не противоречит законам жизни, с одним лишь условием, если это уничтожение полное».

Теперь понятно, в чем дело. Массовое убийство, убийство целых народов только тогда не будет противоречить законам жизни современных каннибалов, если эти народы будут уничтожены до последней женщины, до последнего ребенка. Теперь даже самые наивные люди будут знать, как нужно гонимать массовые расстрелы поляков, чехов, югославов, французов, как нужно понимать уничтожение гитлеровцами жителей сел и деревень в оккупированных районах нашей страны...

Когда настанет долгожданный час разгрома немецко-фашистской армии, обреченные Гитлером на уничтожение народы вспомнят фашистские «законы жизни» и сделают с авторами этих законов

Христо
Галан

Я. Галан. 1939 г.

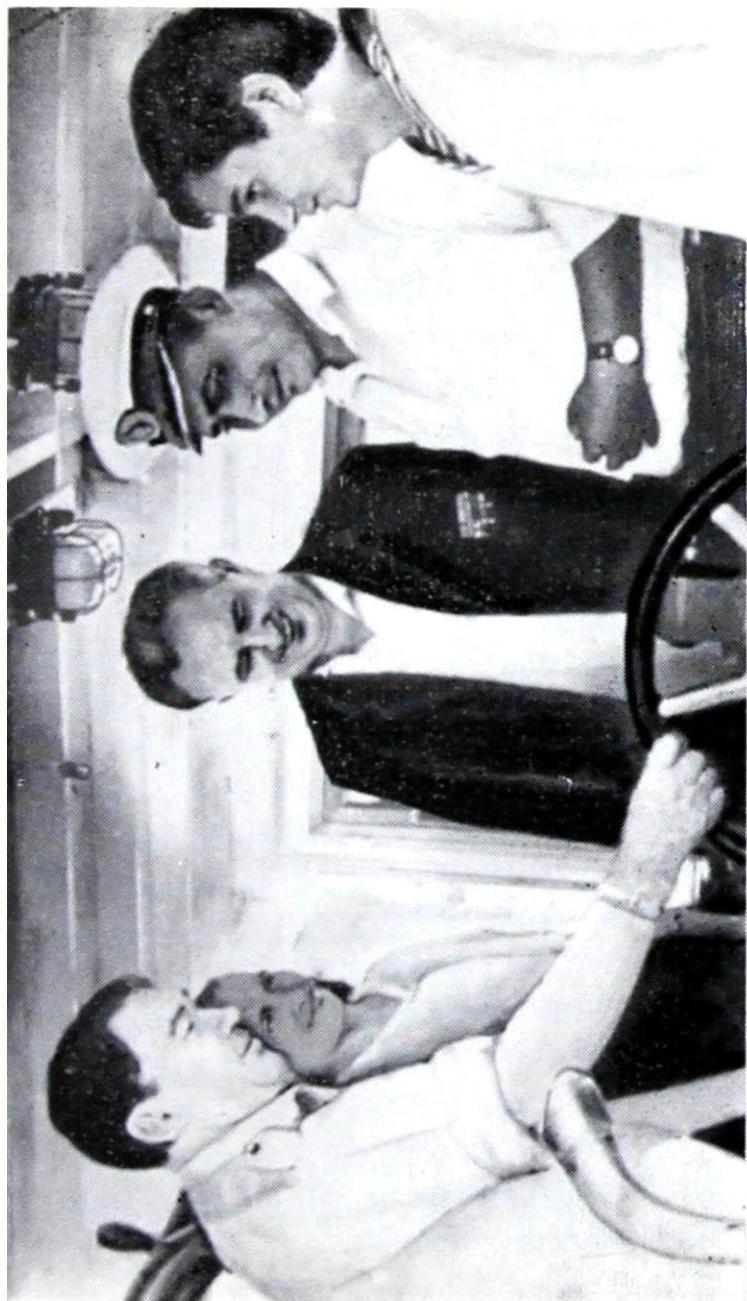

В этом здании на бывшей Прозианской улице писатель-борец Галан выступил у телефона с Января по октябрь 1942 года съвместно с духом раз

Обложка книги Ярослава Галана «Фронт в эфире», изданной в Москве в 1943 году

Писатели Борис Полевый, Владимир Беляев и М. Кроткова-Галан беседуют с Н. Денисовым — капитаном судна «Ярослав Галан», совершающего рейсы из Уфы в Москву по рекам Белой и Волге

Юные галановцы львовской средней школы № 17 со своим учителем Н. Которовичем возлагают цветы к памятнику Ярославу Галану во Львове

Улица имени Ярослава Галана в Саратове

Портрет писателя-трибуна Ярослава Галана (пастель) львовского художника С. Грузберга. На фотопропродукции написано: «Саратовцам для публикации в книге о Ярославе Галане»

и с их исполнителями то, что они давно уже заслужили. Тогда построенные гитлеровцами для порабощенных народов виселицы сыграют свою историческую роль. Оказавшись на них, фашистские готентоты узнают иной закон — закон беспощадной расплаты.

Июль.

Город пробуждающихся львов *

Кто-то когда-то назвал Львов городом каменных задумавшихся львов. Они — львы эти — стоят перед входом в ратушу. Каменные львы оберегают чистоту старинных львовских колодцев, они глядят на вас и с герба самого города. Один из них, искалеченный, одинокий и покинутый, белеет на лужайке Высокого Замка, как немой свидетель времен и событий, давным-давно совершившихся, как немая жалоба на всех тех, кто в продолжение столетий нес солнечному городу только смерть и разрушение.

Бытует среди жителей Львова легенда о том, будто в грозную годину, в час, когда сердце народа переполняется сверх меры гневом и обидой за все переживаемые оскорблении, каменные львы ожидают. Они стряхивают тогда седину со своих грив, сходят с постамента и бегут по сонным улицам, наполняя их потрясающим ревом. Тогда побледневшие люди просыпаются от сна, зажигают огни и выходят на улицы. В этот час над городом, опережаемая стаей серебристых голубей, парит в голубой высоте невидимая боевая слава.

2 июня 1902 года она впервые за долгие годы

* Печатается по тексту, опубликованному 9 августа 1942 года, после передачи по радио, в газ. «Советская Украина», издававшейся в Саратове.

явилась над многострадальным Львовом. В то историческое июньское утро Стрелецкую площадь заполнили тысячи строительных рабочих. Они пришли вместе со своими женами и детьми. Немало дней уже продолжалась забастовка и не было ей конца, не было видно конца голоду и тревожному ожиданию. Выступали ораторы, рабочие нескладно пели песни, впервые принесенные тогда с востока и запада в наш край ветром — буревестником классовых боев.

Вдруг с Подвальной улицы послышался цокот конских копыт. Толпа стихла. Где-то позади вырос комиссар полиции. У него было высокое кепи и немецкая фамилия — Венцель. Комиссар выкрикнул что-то раз и вторично и после этого поднял руку. Это был сигнал: в атаку! Заблестели гусарские сабли, эскадрон с разгону врезался в застывшую от ужаса толпу. Как буря, промчались гусары, оставляя за собой лужи человеческой крови. А когда собрались вторично атаковать площадь, снова увидели перед собой плотную стену толпы, только не перепуганной уже, а грозной, настороженной, готовой к бою.

Четырежды промчались гусары карьером по Стрелецкой площади, от их сабель, под копытами их лошадей гибли забастовщики, их жены и дети. Но всякий раз навстречу пьяным от запаха крови мадьярам летели камни. Один раненый гусар упал с коня, за ним второй, третий. Чьи-то руки схватили оставленное оружие, прозвучали выстрелы, в боковых закоулках быстро росли баррикады.

Через несколько дней забастовка во Львове была выиграна. Была выиграна на баррикадах, в кровавых боях с императорскими солдатами.

История вознаградила за нее Львов великим сентябрем 1939 года.

Красное знамя, бывшее до сих пор символом борьбы, стало гордо развеваться на башне львовской ратуши, как провозвестник новой эпохи в жизни народа, для которого уже 700 лет слово «свобода» было только «запрещенной песней». Несмотря на то, что короткой была эта первая весна Западной Украины, жизнь, так пышно расцветшая за 21 месяц советской власти, пустила настолько глубокие корни в землю Галиции и Волыни, что нет силы, способной их вырвать,— разве что с живым, трепещущим сердцем народа.

В последний день июня 1941 года первые немецкие танки въехали через Яновскую заставу в пылающий, искалеченный бомбами и снарядами Львов. На опустевших улицах лежали трупы мирных жителей, жертвы жестокого обстрела города немцами. Не прошло и дня после появления первого гитлеровского солдата на Марийской площади, как тысячи львовских семейств оплакивали уже своих близких, замученных и растерзанных оккупантами. Разнуданным террором, диким дебоширством эсэсовские держиморды «очищали» почву для «их» Львова, для Львова рейхсгубернаторов, штурмгруппенфюреров, гегаймратов, для Львова концлагерей, казарм и публичных домов. Лучшие люди рабочего Львова, те, кто в период советской власти осуществлял самые смелые думы первых храбрых с баррикад 1902 года, расплачивались теперь своей жизнью за верность отцовским заветам. Кровавый мрак объял этот город солнца и песен, город легенды о каменных львах, способных зажигать людские сердца священным огнем бунтарства.

Через некоторое время, по приказу Гитлера, Восточную Галицию присоединили к польскому генерал-губернаторству. Вскоре во Львов приехал из Krakова «сам» генерал-губернатор Франк. При-

бетствовала его кучка желто-блакитных изменников, которых гестапо выволокло из помойки истории. Но в их услужливой улыбке Франк не нашел уже радости. Эти люди предвидели, что не заплатит им немец за их измену, что, использовав их на подлайшой из подлых службишке, он без церемоний выбросит омерзительную дребедень за борт, как лишний балласт. Им пришлось недолго ждать.

«Восточная Галиция была когда-то австрийской провинцией, теперь она во что бы ни стало должна стать немецкой!» — с такой директивой приехал во Львов гитлеровский вице-губернатор Леш. Прусский, подкованный железом, сапог Леша давил, как карточные домики, школу за школой, библиотеку за библиотекой, музей за музеем. Никакой Украины, никакой культуры — ни украинской, ни польской! «Львов в кратчайший срок должен стать подлинным немецким городом!» Украинские и польские средние школы ликвидированы. Вместо них были открыты немецкие.

Одновременно вице-губернатор взялся и за улицы. Таблички с украинскими названиями выбросил, на их место повесил немецкие.

Запылали в кострах вышвырнутые из библиотек книги. Отныне только немецкие книжные магазины имеют право обслуживать население города Львова. Театр оперы и балета — эту гордость Львова — прусские свиньи превратили в балаган с репертуаром на уголовные темы.

...Население Львова пухнет с голоду? Пусть пухнет, пусть погибает, от этого Львов быстрее станет подлинно немецким. Кто-то позволяет себе недоумленно поднимать брови? В концлагерь его, туда, где за короткое время гитлеровский хам сумел сгноить писателя и профессора Львовского университета, одного из выдающихся представителей поль-

ской и мировой культуры Тадеуша Бой-Желенского. Кто-то осмеливается говорить «довольно»? Его горло навсегда захлестнет петля виселицы во дворе тюрьмы святой Бригиды...

Со дня событий на Стрелецкой площади прошло ровно 40 лет. В продолжение этих лет на площади каждое утро появлялась стайка голубей. Они летали вокруг города, кружились все ниже и ниже, а потом серебристая тучка птиц оседала на панели и звучным воркованием оповещала жителей о приходе нового дня.

Сегодня Львов — трижды распятый город — молча ожидает прихода нового дня. Не будят больше Львова голуби Стрелецкой площади. Да его уж больше и не нужно будить. Настороженный, чуткий, он не спит по ночам, он прислушивается к мертвотишине и ждет часа, когда его каменные львы еще раз сойдут с заросших мхом камней.

Родной Львов, мужественный Львов еще в руках врага. Немец, подлый завоеватель и подлый хам, немец еще ходит по его улицам, еще оскверняет своим гнилым дыханием славные стены города князя Льва, города людей, умеющих любить свободу и умирать за нее.

Ежедневно упивается немец «экстренными сообщениями» штаб-квартиры Гитлера. Но зря упивается. Гаснет в нем вера в чудеса, он чувствует своим волчьим сердцем, что ложь не творит чудес, и его охватывает страх, дикий страх перед приближающейся ночью, перед ночью, что обязательно придет и потрясающим львиным ревом призовет на смертельный бой с оккупантом родной советский Львов.

Август.

Большой вальс

Прусаки никогда не славились своей музыкальностью. Самой любимой их музыкой были и есть военные марши, но и эти марши можно только тогда слушать без страха за свои нервы, если их исполняют чешские музыканты. Прусаки кичатся покойным Рихардом Вагнером, но считают за лучшее не слушать его, так как слишком мало у них культуры, чтобы понять высокие чувства Тристана и Изольды. Совершенный продукт прусского хамства — гитлеровцы — подняли на щит композитора Рихарда Штрауса, называя его корифеем национал-социалистской музыки, хотя творчество австрийца Рихарда Штрауса имеет столько же общего с духом прусской казармы, сколько вальсы Иоганна Штрауса с песней гитлеровского сутенера Хорста Бесселя, а его последнюю оперу даже сняли с гитлеровских сцен.

Как известно, палачи бывают иногда очень « сентиментальными ». Кровожадный римский император Нерон, наблюдая огни подожженного им Рима, играл на лире и от умиления всхлипывал в рукав своей туники. Гитлеровский солдафон любит на руинах сожженного им и залитого кровью женщин и детей селения послушать сентиментальный венский вальс.

Недавно гитлеровское радио в торжественном тоне опубликовало новый «декрет» рейхскомиссара оккупированной Украины Эриха Коха о назначении немца Фастлендера киевским концертмейстером. Разграбленный, растерзанный Киев может теперь «радоваться»: по милости его бандитской ясновельможности Эриха Коха он получил... концертмейстера.

Для кого будет играть герр Фастлендер? Кого будет развлекать этот музыкант из гитлеровского

зверинца? Киевлян? Нет, киевляне не танцевали и не будут танцевать под немецкую дудку. Кроме того, у них есть свои песни, которые они не забыли и не забудут никогда. Песни, с которыми они шли в бой в 1905 и 1917 годах, с которыми они строили свою творческую и радостную советскую жизнь, с которыми отстаивали свой город от немецких орд в грозные и героические дни 1941 года.

А может быть, герр Фастлендер хочет очаровать своей музыкой немецкий гарнизон города Киева? Только так и следует понимать этот новый шаг Эриха Коха. Когда карательные отряды гестапо, вспотевшие, запыхавшиеся и забрызганные кровью женщин и грудных детей, возвратятся из своей очередной экспедиции, они охотно послушают «Богородица, дева, радуйся» Шуберта в исполнении Фастлендера. Когда немецкие комендантские наряды будут двигаться ночью по улицам непокоренного Киева, их будет подбадривать «Реквием» Моцарта под дирижерством того же Фастлендера. Когда привезенные с фронта раненые гитлеровские солдаты будут прощаться в киевских госпиталях с жизнью, им облегчит это прощание опять-таки Фастлендер исполнением вальса Штрауса «Звуки весны». Герр Фастлендер не случайно приехал в Киев на зиму. Мы помним инструкции Геббельса, в которых концертмейстер фашистской пропаганды советовал успокаивать расшатанные нервы гитлеровских солдат музыкой. Тогда из Берлина на советско-немецкий фронт вагонами шли граммофонные пластинки. В этом году Гитлер обещал лучше подготовить немецкую армию к зимней кампании, и поэтому он и Геббельс послали теперь, кроме пластинок, еще и живого Фастлендера, заданием которого будет исполнение большого вальса для истекающей кровью и замерзающей фашистской орды.

К большому вальсу готовится Адольф Гитлер, а за ним и гитлеровский концертмейстер Фастлендер. Ну что ж, пусть готовится! Только финал про-дирижирует не Гитлер, не Кох и не Фастлендер, а кто-то другой: Красная Армия и красные партиза-ны. Те самые партизаны, которых Фастлендер встречает на киевских улицах и не узнаёт, но ко-торых он узнает в недалеком будущем, когда они заиграют всем оккупантам до последнего большой вальс мести и кары.

Прошел год оккупации Киева гитлеровцами. Этого черного времени Украина никогда не забу-дет. За это время немало воды днепровской утекло, немало смешалось с этой водой украинской крови. Это был период большого горя, но и большой не-нависти. Чем ближе час расплаты, тем больше рас-цветает эта ненависть. Бомбы и гранаты немцев разрушили наши города и села. Не забудем! Их солдаты, их офицеры уже второй год чинят кровавую расправу над людьми Украины. Запомним, как запомним и их комедии с «распределением кресть-янской земли среди крестьян», как запомним вве-денную ими барщину, самую страшную барщину, какую когда-либо знало человеческое общество. Все запомним и ничего не простим!

Не простим им миллиона украинских людей, вывезенных в Германию на жестокие муки и смерть. Не простим им публичных домов, которыми они осквернили нашу землю. Не простим им ни ма-лейшей обиды. Народная память все запишет и за все отплатит сторицей.

Эту расплату мы не откладываем на завтраш-ний день. Не откладывают ее ни Красная Армия, ни наши партизаны. В результате второй летней кампании на советско-немецком фронте гитлеров-ская армия оказалась в тупике. Еще никогда отпор

нашой армии не был таким сильным, еще никогда немецкие войска так не истекали кровью, как теперь.

Оккупанты хотят развеять свой страх перед неизбежным концом музыкой. Заиграем же им большой вальс, заиграем оркестром всех родов оружия, заиграем так, чтобы они дотащевались до последнего своего дыхания. Заиграем им большой вальс смерти...

Сентябрь.

Погоня за смертью

Последний немецкий кронпринц, сын Вильгельма II, рассказывая в своих воспоминаниях о штурме французской крепости Верден немецкими войсками, называет этот штурм фатальной ошибкой генерала Людендорфа...

О штурме немецкими войсками Сталинграда генералы Гитлера еще не написали воспоминаний, и все говорит о том, что написать их они уже не будут иметь возможности. А пока что немецкие генералы спешат, как люди, которые боятся опоздать на последний поезд.

Этот их сталинградский поезд к долгожданной «победе» должен был, по гитлеровскому расписанию, отправиться еще в конце августа. Еще 23 августа берлинское радио сообщило, что «бои за Сталинград вошли в последнюю fazу». То же самое повторило берлинское радио и 28 августа. Но прошел и весь август, а красный глаз сталинградского семафора все еще горел над степью, наполняя суеверным страхом сердца солдат Гитлера.

Гитлеровские генералы спешили. Сначала они бросили на отдельные участки Сталинградского

фрона батальоны, потом полки, за полками — дивизии, а теперь по горам гниющих немецких трупов спешат за смертью целые немецкие корпуса. Сначала посылали в этот поход без возвращения за консервированные прошлой зимой остатки гитлеровской молодежи. Потом по ее следам пошли усатые резервисты из Баварии и Бранденбурга, прячась за спинами своих румынских наемников. Когда же и эти ряды угрожающие поредели, Гитлер бросил на кровавые сталинградские жернова саперные и санитарные части...

Битва за Сталинград достигла наибольшего напряжения. 5 октября только одну улицу штурмовали три немецких дивизии. И это они делали через 31 день после того, как гитлеровское радио объявило дальнейшую оборону города «сумасшествием», и через две недели после официального немецкого сообщения о том, что Сталинград будто бы «уже отрезан и лишен возможности получить какую-либо помощь».

Гитлеровские генералы спешат. Уже 68 дней продолжается великий бой — бой за наш город Сталинград. Каждый из этих 68 дней имел свое место в гитлеровском расписании, каждый из них, по плану Гитлера, должен был приблизить день его «окончательной победы». Но защитники Сталинграда разрушили гитлеровские планы. И не только планы — они ломают также хребет гитлеровской армии. 68 дней штурма советского Вердена уже стоили Германии не менее, чем 360 тысяч убитыми и ранеными, то есть в четыре раза больше, чем потеряли кайзеровские войска во время наиболее ожесточенных атак на французский Верден.

Гитлеровские генералы спешат. Ночью уже веет холодом в приволжских степях. Скоро размок-

нет степная земля, увязнут в ней немецкие машины с боеприпасами, напрасно будут месить черную, липкую грязь гитлеровские танки. Недаром спешат немецкие генералы...

Они стягивают к Сталинграду все новые и новые пополнения, несмотря на то, что с Северного Кавказа, и с донских степей, и из-под Воронежа летит в гитлеровскую штаб-квартиру отчаянный вопль: «Шлите скорее помощь!» Молил о помощи генерал Клейст, пока милосердная смерть не освободила его от земных хлопот. Молили о ней перед смертью командующий венгерской дивизией полковник Норд и кавалер «рыцарского креста» генерал Лангман. Но Гитлеру прежде всего нужен Сталинград. Сталинград для него сегодня не только вопрос стратегии, не только вопрос престижа, нет, это нечто большее, это вопрос жизни и смерти фашистской Германии.

Слово Сталинград — великое слово. В нем слышен сегодня могучий взмах крыльев боевой славы нашей армии. Защитники Сталинграда показывают грядущим поколениям, на какие героические подвиги способен великий свободный народ. Незатихающая канонада на подступах к Сталинграду — это звон, эхо которого летит далеко на запад, в хмурую европейскую ночь и пробуждает к жизни миллионы сердец. Чем дальше, тем сильнее зовет сталинградский набат, чем дальше, тем яснее восходят зори свободы над Европой.

Гитлеровские генералы спешат на единственный поезд, который еще остался в их распоряжении, на поезд смерти. Этот поезд мчится приволжскими степями в черную ночь, в бездну небытия и смерти.

Те, кто вышел из мрака, во мрак и отойдут.

Октябрь.

Воспоминания и письма

О. ЮЩЕНКО

Боевые радиобудни

В своем выступлении на торжественном собрании, посвященном 30-летию освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины В. В. Щербицкий отметил: «В годы войны в боевом строю были наша наука, литература, искусство. Призывное слово партии звучало со страниц и листовок, в передачах радиостанций «Радянська Україна», имени Т. Г. Шевченко, «Дніпро».

Ярослав Галан был в ряду самых страстных бойцов идеологического фронта. В этом приходилось убеждаться при каждой встрече, каждом разговоре с ним.

Литературные сотрудники украинского радио большую часть времени проводили в доме № 3 по улице Радищева и доме № 21 по улице Провиантской — ныне имени Ярослава Галана, — где находились комнаты для редакционной работы и подготовки к выступлениям у микрофона и студия. В глубине двора дома по улице Радищева было строение, подобное голубятне. К нему была приставлена лестница, и мы не раз взбирались на него, чтобы взглянуть на Волгу. Иногда на этой своеобразной смотровой площадке читались только что написанные

стихи или другие короткие, но острые материалы перед тем, как их передать в эфир. Автору хотелось знать мнение товарищей о написанном.

Сотрудник журнала «Украина» Дмитро Михайлович Косарик, не раз приезжавший в Саратов, пожаловался однажды в шутку: поспать не удалось, ночь напролет Ярослав Александрович просидел у радиоприемника, слушая радиопередачи различных радиостанций. Тут следует пояснить, что частенько, не получив места в гостинице, наши командированные спали на столах радиокомитета. Так было и с Косариком, который однажды вернулся из Красноармейского района Саратовской области, где находились эвакуированные из Сумской и Харьковской областей колхозы. Его обступили заведующие различными радиоотделами — они знали, что каждому что-нибудь да «перепадет» из толстых блокнотов нашего «Нестора-летописца». И пока Косарик отсыпал свои материалы в журнал, у нас они уже проходили по отделу «Для трудящихся Средней Азии, Урала и Поволжья», в «Последних известиях».

В нашем кругу появлялся и Ярослав Галан, чтобы послушать новости из уст очевидца.

О Галане некоторые говорили, что он какой-то замкнутый. Я сказал бы иначе — он всегда был со средоточенным, над чем-то крепко задумавшимся, озабоченным. Но находил время поговорить с работниками радио, поделиться своими мыслями о положении на фронтах, послушать новые стихи Валюши (поэтессы Валентины Ткаченко) или ознакомиться с письмами из действующей армии, приходившими к кому-либо из присутствующих.

Бывало не раз и так, что, выйдя из комнатушки, где он слушал передачи из разных европейских столиц, он был особенно взбудороженным. Это случа-

лось после развязного выступления какого-нибудь фашистского подонка...

— Понимаете, — говорил он, — напал на восхитительную мелодию, но наслаждался недолго — пришлось переключиться на немыслимую мерзость. И вынужден был слушать. Слушать, чтобы немедленно ответить прохвосту.

Углубленность в порученную работу, ответственность, внутренняя собранность, блестящая эрудиция Галана вызывали в коллективе всеобщее уважение и удивление. Убийственно меткие характеристики врагов, острота, беспощадность его памфлетов, своевременность выступлений — все это выделяло его среди нас, как ведущего радиокомментатора. Не часто находились у него минуты для бесед с товарищами. Время торопило, надо было снова идти к микрофону, новое слово уже захватывало, вело его...

Наши славные дикторы Нина Савицкая, Лидия Лесная, Нелли Артемович, Борис Степанов, которым посчастливилось более других работать с Галаном, восхищались не только его исключительной работоспособностью, но и чисто человеческими, трогательными чертами. Вежливость, глубокое внимание к людям, деятельная доброта — были органическими его качествами.

В быту, подобно всем в это трудное время, был скромен, не требователен. Обедал в общей столовой, маленькую кружечку пива шутя «менял» на печенье к чаю...

Спустя некоторое время после отъезда Галана из Саратова мне довелось быть в Москве по служебным делам. Из Саратова (не помню уже кто именно) мне передали для Галана несколько копий его использованных в передачах материалов. Галана я нашел не в Союзрадио, а случайно встретил

в Доме крестьянина на Трубной площади, где находилась редакция журнала «Перец». Он сердечно поблагодарил за эту незначительную услугу. Спустя несколько лет как-то вспомнился этот случай, и он подарил мне маленькую книгу с теми материалами под названием «Фронт в эфире».

Перечитывая теперь произведения Я. Галана и особенно из книги «Фронт в эфире», вижу его, как живого, и слышу строки из памфлетов, написанных в 1942 году в Саратове.

Летом 1975 года я находился во Львове и посетил музей Ярослава Галана. Среди вещей писателя была небольшая трубка. О ней рассказывала мне когда-то Мария Ивановна Луговикова, которая некоторое время работала в Саратове вместе с Галаном.

— Однажды готовила я ночью какую-то передачу. Работала с трудом. Нужно было успеть закончить её к утренней программе... Часа в три ночи из студии вышел Юрий Васильевич Шумский. Усталый, очень усталый, но вижу — держится.

— Чего сердитая? — спрашивает.

— Курить хочется, мысли разбежались, стоит работа.

Шумский куда-то удалился, а минут через пятнадцать возвращается, неся мне «козью ножку». Сам не курил. Неодобрительно пробормотал, протягивая мне закрутку:

— Вот тебе энергия для такого случая.

В ту минуту, когда я брала «козью ножку» из руки Юрия Васильевича, выходит из своего «закапелка» Галан и протягивает мне трубку:

— Это мой сувенир. Подарил один полковник с фронта — ничего другого не оказалось — на прощанье. Возьмите, Мария Ивановна, и от меня этот прибор для бесовского зелия...

Делились во время войны всем, что у кого было. Это известно. Не пожалел своего сувенира и Ярослав Александрович.

...Смотрю на трубку и видится мне среди «шевченковцев» Ярослав Галан, его вдохновенное, возбужденное лицо...

25 мая 1975 года я получил подарок из Саратова: книгу «Н. Г. Чернышевский и Т. Г. Шевченко», написанную внучкой Чернышевского Ниной Михайловной. Мы хорошо помним её, гостью нашего радиокомитета. В небольшом письме читаю: «Встречи с украинцами в военные годы оставили во мне лучшие воспоминания. С берегов Волги шлю привет Киеву, воскресшему после множества испытаний».

Я с радостью узнал, что решением Саратовского облисполкома бывшая Провиантская улица переименована в улицу имени Ярослава Галана.

В этом документе говорится: «Рассмотрев решение Саратовского горисполкома и другие материалы об увековечении в г. Саратове памяти известного украинского журналиста и писателя Ярослава Галана, выступавшего в 1942 году в Саратовской радиостудии в качестве радиокомментатора в группе журналистов ЦК Коммунистической партии Украины, и отмечая его патриотическую деятельность и заслуги в укреплении дружбы народов СССР, исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся решает:

Переименовать в городе Саратове улицу Провиантскую в улицу имени Ярослава Галана».

И мне сквозь даль годов отчетливо видится: спешит Ярослав Галан по саратовской улице, спешит к микрофону. Собранный, волевой. Вот и дом под номером 21... Отсюда летело его пламенное слово. Слово патриота-интернационалиста.

Пер. с укр. Татьяны Стак

Влюбленный в жизнь

Это было 27 июля 1942 года. В Саратове, на улице Радищева встретились артист Юрий Васильевич Шумский и Ярослав Александрович Галан, работавшие в эвакуированном украинском радиокомитете. В руках у Галана были полевые цветы.

— По какому это слушаю, Ярослав Александрович, у вас ромашки? — спросил Шумский.

— Сегодня мне особенно хотелось цветов и солнца, — ответил Галан.

Смысл своего желания в этот день он объяснил только спустя несколько лет.

— Мне в тот день исполнилось сорок лет.

— И вы ничего не сказали нам об этом! — стали упрекать его друзья. — Мы хотя бы скромно должны были отметить такое событие. Как же вы отпраздновали его?

— Никак. Искал ромашки и обрадовался, когда нашел их. Было много солнца — это тоже радовало. Погулял по берегу Волги и, между прочим, видел плывшие по воде обломки досок, что вызвало у меня некоторые воспоминания; впрочем, это неинтересно. Ну и немного пописал.

— Очевидно, радиокомментарий?

— Нет, писал конспектик сочинения, которое для себя условно назвал «Жизнь». Ну и все. В общем мелочи, которые никому не интересны.

Здесь Галан был не прав: в этих «мелочах» были частицы его собственной жизни, его мироощущение.

Он хотел найти ромашки. С ними связывалось воспоминание о том, как когда-то, в годы владычества панской Польши на землях Западной Украины, Галана арестовали и вели в тюрьму через села. По

дороге крестьяне кричали: «Скорее возвращайтесь! Вы нужны людям!» А один из них — слепой человек — пытался прорваться к арестованному и вручить ему скромный дар — несколько ромашек. Такое незабываемо.

Галан радовался каждому ростку жизни. «Во мне главное чувство — любовь, — говорил он, — и гнев у меня от любви к людям и ненависти к тому, что для них является злом... Жить, не любя людей, не думая о благе для них, — страшно. Страшно и мерзко». И еще добавлял: «Человек, не чувствующий хорошего, красоты, солнца — неполноценный человек».

Плававшие по воде обломки досок вызывали в памяти Галана картины детства. Семья Галанов бедствовала, и подросток Ярослав старался облегчить положение тем, что вылавливал плававшие в реке доски и другие оказавшиеся в ней предметы, которые можно было продать. Когда ему удалось таким образом добыть какие-то жалкие гроши и вручить их матери, она горько заплакала и сказала: «Страшная вещь — бедность! И как нужно, чтобы люди не знали ее!» После того, в юности Галан решил, что будет по мере сил помогать тем, кто вступил в борьбу с народной нуждой.

В день своего рождения Ярослав Александрович, по его словам, работал не над радиокомментарием, а над набросками задуманного произведения. Кстати, о комментариях Галана. Это были блестящие выступления перед микрофоном, убедительные и острые, они ощутимо досаждали тем, против кого они были направлены, и одновременно вызывали большой интерес и неизменное одобрение советских людей — на фронтах, среди партизан, в тылу. Недаром в Украинский радиокомитет, а также в редакции украинских газет, издававшихся в те дни в Са-

ратове, где иногда печатались статьи Ярослава Александровича, поступало немало писем с просьбой почаще давать слово Галану.

Нужно добавить, что нередко Галан выступал перед микрофоном экспромтом, но и в таких случаях его комментарии всегда были безукоризненными в литературном отношении и отмечены ярким талантом публициста. Однако сам автор относился к ним сдержанно, так как «настоящим» считал только то, что (пользуясь его определением) «прогрызено насеквоздь вдоль и поперек». А «прогрызали» он свой текст, не жалея времени и сил, потому что считал необходимым «десять, двадцать раз обдумать каждехоньку букву». Стремясь к совершенству изложения, он склонен был заменять одно слово другим десятки раз. Это точно — десятки: например, для того, чтобы найти подходящий, по его мнению, эпитет для такого зла, каким была для Западной Украины уния, он перебрал 18 слов и остановился только на девятнадцатом!

При виде того, как Ярослав Александрович беспощадно перечеркивал и браковал собственные строчки, ему говорили: «Вы напрасно это делаете — ведь написанное вами способно удовлетворить самых придирчивых критиков». Он отвечал: «Все, что делается для людей, для народа, должно быть безупречно». И еще одно он часто повторял: «Нужно писать только болью всех нервов — без этого нельзя браться за перо».

В день своего рождения Галан работал над планом произведения, которое «для себя» назвал «Жизнь». Оно не было написано, но в разное время Ярослав Александрович высказывал мысли, которые думал здесь развить. Одна из таких мыслей: нужно постоянно, без конца выискивать в себе неиспользованные ресурсы, чтобы делать необходимое

людям, дорожить каждой минутой и бояться прожить без пользы хотя бы один день. Каждый должен, если он только способен на это, «сказать новое слово (хотя бы небольшое, коротенькое)» в творчестве, в деятельности на любом поприще.

Галан говорил: надо верить, что в мире «все меньше будет зла. Человечество — в огромной степени благодаря нам — идет, хотя и медленнее, чем хотелось бы, ко всеобъемлющему торжеству добра».

Вероятно, в том же произведении Галан сказал бы также (он постоянно повторял это): «Нужно больше знать. Это азбучная истина, известная миллиардам людей, но я чувствую её все острее». Он неоднократно говорил, что ему будто бы не хватает знаний. Это казалось странным — ведь Галан обладал поразительной эрудицией. У него можно было получить справку и по истории Германии, и о современном укладе и порядках в Ватикане, и о творчестве украинского писателя И. Франко, и об итальянском искусстве XV столетия, он мог консультировать при переводе с польского, итальянского, немецкого и других языков — и тем не менее считал, что ему нужно еще учиться и учиться. Помнится, с какой добродушной завистью он отзывался об академике А. И. Белецком, видном советском литературоведе, человеке с колоссальными знаниями, хотя в беседе с этим ученым он ни разу не оказался в неловком положении незнайки.

И Галан всегда что-то изучал. Уже после отъезда из Саратова в Москву он там разыскивал ту литературу об этом, полюбившемся ему волжском городе, которой не оказалось в саратовских библиотеках. Позднее, когда писатель был уже во Львове, один сад напоминал ему кусочек «Липок» — любимого им уголка в Саратове.

Накануне дня своего рождения Галан получил

письмо, в котором говорилось об интересе к выступлениям Ярослава Александровича по радио и смущавшая юбиляра просьба: «Хотят, — жаловался он, — чтобы я рассказал побольше о себе, о своей работе и жизни. А я так не люблю об этом повествовать! Что я могу сказать? Я — рядовой функционер (излюбленное выражение Галана, которое он употреблял, когда говорил о себе, как о частице целого, человеке, выполняющем определенные функции в коллективе. — В. Д.). Мое бытие самое обычное».

Образ этого героического человека, павшего в борьбе за счастье людей, навсегда озарила слава.

Г. УГЛЕЦКАЯ

Письма друга

Мне посчастливило работать рядом с Ярославом Галаном в течение всего срока его пребывания в Саратове. Я была в составе музыкальной редакции, казалось бы, ничего не имеющей общего с его комментаторской деятельностью. Но цели и интересы, которыми жил коллектив радиостанции имени Т. Г. Шевченко, способствовали тесному общению всех сотрудников.

Очень внимательный к людям, любивший добрую шутку, Галан стал у нас глубокоуважаемым человеком. Как самую большую ценность храню в сердце воспоминания о боевых днях работы на радиостанции и переписку с Ярославом Галаном.

Я живу на улице Ярослава Галана и радуюсь, что каждый день вижу таблички с дорогим именем. Мне представляется, что вот он обращается к нам,

саратовцам, со словами привета, дружбы, призыва к счастью и свету.

Ниже публикуются строчки из писем Я. Галана с моимияснениями к ним.

«Москва, 26 декабря 1942 г.

...Хочу Вам рассказать, Галя, замечательную историю. 21 октября я выступил с передачей, посвященной третьей годовщине выборов в Народное Собрание Западной Украины во Львове. Речь шла, конечно, о том, что эти выборы были изъявлением воли населения к присоединению к СССР.

Оказывается, через некоторое время после моего выступления состоялось в Лондоне посвященное этому выступлению заседание польского Национального Совета, на котором все польские партии обратились к своему правительству с запросом, что оно намерено предпринять ввиду такого «возмутительного» факта.

На это ответил министр иностранных дел Рачинский, что он по этому поводу направил Советскому правительству ноту протеста, так как усматривает в выступлении Галана «вмешательство во внутренние дела Польши» (какое нахальство!)...»

Далее сообщается в письме, что возмущение вызвали его слова: «Скоро настанет время, когда над зданием ратуши во Львове взовьется красное знамя свободы».

Как известно, польское эмигрантское буржуазное правительство, находившееся в Лондоне, действовало вопреки интересам и чаяниям своего народа. Питая иллюзорную надежду на возврат к старым временам, оно пыталось своей нотой ослабить воздействие выступлений писателя.

Но весь ход последующих событий, сама история

подтвердили правильность предсказаний проницательного Галана и несбыточность антинародных надежд польского лондонского эмигрантского правительства, которое было озабочено не столько ведением войны против Германии, сколько тем, как бы после её окончания вновь захватить Западную Белоруссию и Западную Украину.

Как видим, передачи с участием Галана попадали точно в цель. И враг намеревался заставить замолчать радиостанцию. На плане Саратова, оказавшемся у одного из сбитых гитлеровских летчиков, среди других объектов, подлежащих бомбардировке, значилась и она. Был случай, когда бомба разорвалась в непосредственной близости от городского радиоузла и радиостудии. Стекла в здании оказались выбитыми, были порваны все провода, выходящие из радиоузла. Пришлось в аварийном порядке поработать восстановительной бригаде.

«6.V.43

Здравствуйте, Галечка!

...Как живете? Очень уж редко пишете. Сказывают, на вас там частенько налетают вражеские самолеты и сбрасывают бомбочки. Я продолжительное время испытывал это в Купянске, но не скажу, что привык.

Есть все основания полагать, что этого уже не надолго у них хватит.

Германия задыхается и, клянусь бородой пророка, что дольше года она не выдержит этого напряжения. Тогда, друг мой, Галя, заживем по-другому.

Так что будьте здоровы, Галя, и пишите почаше.

Новый адрес: Тверской бульвар, № 18, ЦК КП(б)У, Галану Я.

Ярослав».

«18.XI.43

Здравствуйте, Галя!

Сердечное спасибо за милое, очень милое письмо. Я приехал не так давно в Москву.

Галя! Помните, что я вам говорил насчет Саратова? Я был прав, чувствуя всем своим сердцем.

Саратов, несмотря на суровость того времени, вспоминается теперь как что-то преисполненное ярким солнечным светом и творческим боевым подъемом. Я не удивляюсь, что Важик¹ так много места в своем последнем сборнике стихов посвятил Саратову...

Завтра уезжаю в Харьков, оттуда, очевидно, в Киев, а из Киева, будем надеяться, скоро во Львов, в любимый город, который так желал бы не спать, правда, спокойно, но главное — жить спокойно. Он — старик — заслужил это вместе с нами...

Пишите, Галя, побольше и почаше.

Адрес: Харьков, редакция «Радянської Україні»,
Галану Я. А.

Ярослав».

«13.III.44

Галя, дорогая!

Жду Вашего письма.

Дело в том, что я только недавно приехал в Киев и не успел еще устроиться. Поэтому нечего было

¹ Адам Важик — польский поэт, драматург и литературный критик, работавший некоторое время в Саратове в редакции журнала «Новые горизонты». Активный участник народно-освободительной войны с фашизмом, он стал потом одним из организаторов Союза польских писателей народно-демократической Польши. Перевел на польский язык «Евгения Онегина» А. С. Пушкина и многие стихи В. В. Маяковского.

и думать о переписке даже с самыми близкими друзьями.

...Но, наконец, я снова перед Вами. Пишу на почтовой открытке, надеясь, что её получите быстрее.

Кто-то, не помню уже кто, рассказывал мне, будто Вы тоже собираетесь на Украину. Это очень хорошо, Галя. Будем вместе тогда любоваться Киевом (чудесный город).

Был здесь и Путрамент², вспоминали Вас добрым словом. Здесь уже Лида Лесная, Шевченко, Каминская, Цюпа³ и многие саратовские знакомые. Тут же Ваш друг Поляков⁴... Вот и все. Больше на этом жалком клочке не напишешь. Приезжайте, Галя!

Ярослав».

«Львов, 22.III.48

Галина, незабвенная, я очень рад, что Вы, наконец, напомнили о себе.

Вы, конечно, уже замужем, я (второй год) же-

² Ежи Путрамент — польский писатель, временно находившийся в 1942 году в Саратове. В последующие годы он был офицером 1-й армии Войска польского. Затем — один из руководителей Союза польских писателей. Избирался членом ЦК Польской объединенной рабочей партии, депутатом сейма. Автор романа «Действительность», в котором показана борьба пролетариата и передовой интеллигенции против фашизма на кануне второй мировой войны. Роман Е. Путрамента «Сентябрь», изданный в 1951 году, был удостоен в 1953 году Государственной премии. Награжден орденом «Строитель Народной Польши» (1974 г.) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 ноября 1980 г. награжден орденом Дружбы народов.

³ Л. Лесная, А. Шевченко, Н. Каминская, И. Цюпа — сотрудники украинского радиокомитета.

⁴ П. Поляков — композитор, являвшийся редактором музыкальной редакции украинского комитета.

нат. Она москвичка, художница, работает в местном оперном театре. В общем, — славная девушка.

Марина Крапивницкая⁵ сейчас живет в Киеве, работает в русском драмтеатре им. Леси Украинки.

Несколько слов о других наших общих знакомых. Важик не застал жену в живых: убили немцы. Путрамент — польский посол в Париже. Минц — польский министр промышленности. Нашковский — польский посол в СССР. Грош — генерал...

Как видите, одни «сановники», и не подходи.

Я живу во Львове с июля 1944 года. Являюсь корреспондентом «Радянської Україні».

Был пять месяцев на Нюрнбергском процессе, в 1946 году посылали в Югославию, теперь сижу безвыездно в этом городе и занимаюсь литературной работой.

Искренне благодарю за сердечные поздравления.

Напишите, Гая, побольше о себе. Скажите что-нибудь и о нынешнем Саратове.

Ваш Ярослав.

P. S. Простите за неважный русский язык.

Вот еще что. Нина Каминская работает в Киевской филармонии. Её мужа уже демобилизовали. Если увидите Рабиновича⁶, передайте ему привет от меня, пожалуйста».

В связи с этим письмом хотелось бы сказать несколько слов. О Саратове Галан тепло говорил в письмах довольно часто. Помню такие строки: «Саратову — волжскому городу-труженику и неусыпному часовому, городу высокой культуры принадлежит большое будущее...»

⁵ М. Крапивницкая — артистка, работавшая в Саратове на радиостанции имени Тараса Шевченко.

⁶ Э. Рабинович — диктор украинского радиокомитета.

Щедрое сердце

С именем Ярослава Галана у меня, бывшей сотрудницы саратовского радиокомитета, и моих, теперь уже взрослых сыновей, связаны самые теплые воспоминания. Он часто бывал у нас в доме, находившемся рядом со студией. Обстановка того времени была крайне тревожной и сложной. Но он всегда была жизнелюбивым, сердечным.

Вечер. Плотно занавешены окна. На обеденном столе мигает крохотный фитилек. У противоположной стены на диване сидит Ярослав Александрович, крепко прижав к себе моих ребят — Эмиля 11-ти лет и Игоря 5-ти лет. Затаив дыхание, они с увлечением слушают рассказы «дяди Ярослава».

Взвыvает сирена: воздушная тревога... Дети зазвоновались. Но Ярослав Александрович успокаивает их. Он уверяет, что скоро дадут отбой и все кончится благополучно, а пока... крепче прижимает к себе мальчишку и, щурясь на огонек «коптилки», говорит о забавных приключениях и случаях на море, о гигантских крабах и морских звездах, которые попадались ему...

— Дядя Ярослав, а как по-украински «тревога»? — задает вопрос мой старший сын.

— Трївога.

— А по-испански?

— Алярм.

— А по-итальянски, по-английски, по-французски, по-немецки?..

Ответы на вопросы превращались в увлекательные истории.

Ярослав Александрович отличался необыкновенной добротой. Однажды он пришел с большим свертком.

— Это для ребят, — сказал он.

С озорной улыбкой смотрел на мальчишек, торопливо распаковывавших пакет, и с еще большим удовольствием наблюдал за ними, когда они с завидным аппетитом уничтожали содержимое свертка — цыпленка и свежий ржаной хлеб. Цыпленка раздобыл ему кто-то из друзей, а хлеб он получил по карточке. И так бывало не раз, когда Ярослав Александрович приносил детям продукты, а сам довольствовался морковным чаем или ячменным кофе с сахарином, который пил вместе с нами. Я знала, что в столовой, где он иногда питается, можно было съесть лишь постные щи да капустный пудинг. Шутя однажды, он сказал: «Боюсь, что от этой еды у меня скоро вырастут заячьи уши»...

Как-то Ярослав Александрович застал меня за работой. Я старалась из двух изношенных рубашек сделать одну — для Эмиля. Удалось ли мне или нет, не помню. Только в один из ближайших приходов Ярослав Александрович явился с еще большим свертком, в котором оказался его серый шерстяной пиджак. Извиняясь за то, что пиджак сильно поношен, он попросил сделать из него Эмилю куртку. При этом он, как бы оправдываясь, сказал:

— В первый день войны я находился в Крыму. В свой дом, во Львов, сразу возвратиться не смог, а уже 30 июня, ранним утром, фашисты ворвались на окраины Львова. И потому штатский гардероб мой, как видите, крайне скучен.

В последний день перед отъездом из Саратова Ярослав Александрович был у нас дважды. Рано утром он пришел и принес свой дорожный паек с тем, чтобы я смогла приготовить прощальный ужин. Паек заключал в себе килограмм тощей баранины, а вернее бараньих ребрышек, десяток пончиков и полбуханки ржаного хлеба.

Придя с работы, я принялась за приготовление ужина. Передо мною стояли сложные задачи: достать керосин для примуса, раздобыть картофель и хотя бы одну луковицу, чтобы сделать что-то похожее на жаркое, но само мясо не есть, а дать, как решила я, в дорогу Ярославу Александровичу. Ценой больших усилий мне это удалось сделать. Стоит ли говорить о том, как вкусен был картофель, пропитавшийся запахом баранины! А как вкусны были разогретые пончики с морковным чаем!

И в этот раз дорогой гость, неизменно деликатный и ласковый к детям, рассказывал о своих путешествиях, но от этих рассказов веяло заметной грустью расставания. Потом он говорил о том, что не за горами победа — отпор врагу крепнет, что после войны жизнь будет чудесной. А он всегда будет помнить своих маленьких друзей Эмиля и Игоря и через несколько лет си обязательно приедет в Саратов и, как сейчас, сядет на диван и будет уже сам внимательно слушать интересные рассказы повзрослевших мальчиков.

Спустя немного времени Ярослав Александрович приспал из Москвы письмо, а вместе с ним баннероль, в которой был сборник очерков «Комсомол в боях за Родину». Это письмо — еще одно свидетельство тому, каким замечательным человеком был его автор:

«22.XII.42

Здравствуйте, Валентина Эмильевна!

Прежде всего примите привет и новогодние пожелания. Крепко жму лапки Ваших милых малышей и прошу их принять от меня маленький подарок — книжку. Она, правда, не совсем подходит к возрасту Эмиля и Игоря, но пусть они будут похожи на тех комсомольцев, о которых в ней написано.

Живется мне неплохо. Дали мне белые фетровые валенки, чудесно по своему размеру гармонирующие с шинелью, только с той разницей, что шинель слишком малая, а валенки слишком большие и хожу в них, как кот в сапогах. Но вот новое «горе». Раньше был у меня насморк оттого, что было холодно в ботинках, а теперь оттого, что слишком тепло в валенках. Только снимешь их вечером, ложась спать, и сразу тебе новый насморк.

Как видите, человека очень трудно удовлетворить.

Москва — это чудный город, особенно Москва подземная, то есть метро. Стоишь эдак на расчудесной станции и вдруг из тьмы кромешной с гротыханием и мяуканьем молниеносно влетает что-то глазастое, искрящееся, светящее, выплескивает толпу со вздохом облегчения и снова вбирает пассажиров, потом... опять пускается в бешеную, отчаянную погоню по мрачному подземному лабиринту, в погоню за бог знает чем, за каким неизведанным счастьем!.. Красота!

Ну вот, а остальное напишу Вам, милая Валентина Эмильевна, в следующий раз, когда дни станут чуточку длиннее и ночи моей хорошей жизни побувавятся. Живите спокойно, радуйтесь, думая о будущем своих детей, о будущем нашей прекрасной страны, а от поры до времени вспоминайте, что есть в Москве... странничек с большой головой и буйными думами, который лучше умеет любить всех, чем одного, и который никогда не обретет ни счастья, ни покоя, потому что и для того и для другого он и слишком мал и слишком велик. Одним словом, шагающий по миру кот в сапогах, на которого кроме звезд, разве, никто не обращает серьезного внимания, ибо весь он только — мечта человеческая...

Искренний, сердечный привет.

Пишите. Ярослав».

Далее, после подписи, следовала приписка: «Привет Клавдии Михайловне! Передайте, пожалуйста, привет и Зинаиде Петровне!»

К этой приписке я должна дать пояснение. Клавдия Михайловна Цеделер — жена моего брата. В то военное время мы жили с ней в одной квартире. Клавдия Михайловна часто заходила ко мне в комнату и принимала участие в беседах с Ярославом Александровичем. Она работала воспитательницей детского сада. В настоящее время — пенсионерка, живет в Москве.

Зинаида Петровна Ракшина-Юрченко заведовала детским садом. Узнав от нас, что Ярослав Александрович нуждается в жилье, она уступила ему комнату в своей квартире по улице Чапаева, 3. «Он был очень занят комментаторской работой, — вспоминала она, — и потому я и члены моей семьи редко виделись с ним. Но если у него оказывалась минута свободной, он становился прекрасным собеседником. Рассказывая о себе, он однажды поведал, что может играть на скрипке. Но, добавил он, возьмем этот инструмент в руки только после победы».

...Давно позади те трудные военные годы. Многое стерлось в памяти, многое изменилось. Мои дети выросли, стали инженерами, отцами семейств, но воспоминания о прекрасном, удивительном человеке, чье сердце чувствовало все боли и радости людей и не знало покоя в борьбе за их счастье, живут в душе так ярко, так ощутимо, словно это было только вчера...

И невольно приходят слова великого Гёте: «Все близкое отходит в даль, а дальнее, приблизившись, приобретает ясность».

ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ

С Ярославом Александровичем я познакомилась в конце 1942 года, когда он, являясь членом группы журналистов при ЦК КП(б)У, прибыл из Саратова в Москву. С первого взгляда этот человек в военной форме показался мне строгим, даже суровым. Но при первом же разговоре впечатление о суровости рассеялось, и быстро я прониклась убеждением, что это человек не только несгибаемой воли и светлого ума, но и большого сердца.

Для меня не было удивительным, когда в разговоре он коснулся недавних саратовских моментов жизни и работы. По одной-двум галановским фразам, точным и образным, можно было себе представить обстановку того времени и непоколебимую решимость саратовцев оказать всемерную помощь героям Сталинградской битвы.

Провожая меня как-то домой из клуба писателей, Ярослав Александрович, волнуясь, рассказывал мне о Львове, о своих товарищах, с которыми с юных лет встал на путь революционной борьбы.

Тогда я вовсе не предполагала, что эти встречи с Галаном в Москве станут началом пути, на котором будут и радости, и тревоги, и те страшные минуты, когда я увидела Ярослава погибшим от руки наймита Ватикана.

Пришла вторая жизнь Ярослава — посмертная... Я думаю о нем всегда как о живом, участвуя вместе с его друзьями и почитателями в работе по популяризации его литературного наследства, сбору и изданию его неопубликованных страниц.

В этой работе немало удач. Однако часть саратовских комментариев, о которых я знала по рас-

сказам Галана, воспроизвести невозможно. В 1944 году во время налета фашистской авиации на Дарницу (левобережная окраина Киева) сгорел вагон, в котором вместе с другими архивными документами радиостанции имени Т. Г. Шевченко находились и микрофонные материалы с текстами его выступлений.

...О Галане написано немало статей и книг. Его жизнеописание со временем пополнится новыми подробностями.

Теперь, итожа прожитые рядом с Галаном годы, хочу сказать, что он и в личных письмах, и в живом общении с людьми, и в своих книгах был совершенно одинаков. А это, мне думается, не так уж часто встречается.

...Окончилась война в Европе. Наша страна и все честные люди земли с непередаваемой радостью встретили День Победы.

Для Галана же война продолжалась. И совсем не в символическом смысле. Не раз и не два получал он по почте и после войны гнусные листки с бандеровскими и униатскими «предупреждениями» и «приговорами».

Но бесстрашный боец не боялся вражеских угроз. «Пугают с перепугу, пусть не надеются, что я сложу оружие», — писал Галан в одном из памфлетов. В 1945 году двумя изданиями выходит его памфлет «С крестом или с ножом», бичевавший врагов украинского народа, одетых в рясы священников — организаторов банд буржуазных националистов и агентов международной реакции. Будучи представителем украинской советской прессы на Нюрнбергском процессе, он написал ряд произведений, вошедших в золотой фонд советской журналистики.

В 1946 году я переехала из Москвы во Львов.

Если одним словом охарактеризовать повседневный труд Галана, свидетелем которого я стала, как жена писателя, то это — горение! Проходят дни, месяцы, и появляются произведения, утверждающие новь на освобожденной от гитлеровцев земле, направленные против папского Рима и его приступников. Среди них — брошюра «Что такое уния».

Отдавая много сил творчеству, писатель активно вторгался в жизнь. Как гражданин и общественный деятель, занимался часто делами, которые, на первый взгляд, не имели прямого отношения к его литературной работе. Он во все вникал, всем интересовался. Вот, случайно проходя по парку, он увидел, что гибнут прекрасные деревья из-за того, что кто-то обдирает с них кору. Возвратившись домой, он немедленно позвонил в трест зеленого строительства и в дальнейшем не оставлял этого дела, пока не были приняты меры по охране лесных насаждений.

Однажды, будучи в одном из городов областного подчинения, Галан обнаружил, что хлеб там гораздо лучше, чем во Львове, хотя рецептура для всех хлебозаводов одинакова. Привез оттуда хлеб и вместе со львовским отдал в лабораторию на исследование. Убедившись после исследования, что львовский хлеб содержит больший процент примесей и влаги, он обратился в вышестоящие организации с просьбой расследовать это дело. И оказалось, что на хлебозаводе имели место хищения муки.

В то время последствия войны еще властно напоминали о себе. Гуляя как-то с собакой по пустырю (там теперь сквер), Галан увидел группу гревшихся у костра беспризорников. Разговорился с ними, заинтересовал какими-то любопытными

фактами и, расположив их к себе, привел к нам домой. Когда я открыла дверь и увидела оборванных, чумазых мальчишек, то от неожиданности не смогла сказать что-то путное, и только спросила: «Что это?»... Ребята нестройным хором ответили: «Вот дяденька привел нас на обед...»

Ярослав Александрович усадил ребят за стол и потребовал немедленно накормить их. Затем занялся их одеждой, то есть попросту отдавал им те теплые вещи, которые ему попадались под руку и попутно «конфисковал» мои лыжные брюки и свитер. После того, как с экипировкой было покончено, он занялся устройством мальчишек в детский дом.

В этих и подобных, казалось бы, житейских мелочах раскрывалась человеческая душа Галана, душа гражданина, душа коммуниста, который не мог проходить равнодушно мимо людской беды или нетерпимых в общественной жизни недостатков. Особенно оживленной и многограничной была его деятельность, когда он был избран депутатом Львовского городского Совета депутатов трудящихся. Будучи народным избранником, он всемерно содействовал расширению строительства и благоустройства улиц, площадей, вникал в нужды учреждений культуры, заботился о зеленом наряде города. Сегодняшний зеленый, благоустроенный Львов многим обязан одному из первых своих депутатов — Ярославу Галану.

Кипучая общественная деятельность сочеталась с неослабевавшей творческой работой. В 1948 году Галан работает в библиотеках Москвы над материалами о реакционной политике Ватикана. Результатом этого явился памфлет «Отец тьмы и присные», вышедший из печати в том же году на русском и украинском языках.

В 1949 году Галан вступает в ряды Коммунистической партии Советского Союза. Его чаще, чем в предыдущие годы, видят на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в университете. По поручению Львовского областного лекционного бюро Галан читал лекции на общественно-политические темы, а по поручению Львовского обкома КП(б)У он организовал и провел встречу с трудящимися Городокского района, посвященную десятилетию воссоединения украинского народа в единой Украинской Советской Республике.

Одновременно с этим Галан пишет пьесу «Любовь на рассвете», сценарий документального фильма «Новая жизнь» — о социалистических преобразованиях в западных областях Украины. Выходит из печати книга публицистических и драматических произведений «Перед лицом фактов».

Люди труда, строители новой жизни искренне и глубоко любили Ярослава Галана и поэтому еще при жизни имя его было окружено легендами. Бытова и такая: однажды, председатель только что организованного колхоза требует от райкома прислать не трактора, а писателя Ярослава Галана: «Техника, знаю, будет... Нам треба шелуху с некоторых мозгов посбивать».

Я счастлива, что веду сейчас большую переписку с юными галановцами — пионерскими отрядами, политическими клубами и музеями интернациональной дружбы. Особенно много их во Львовской и Тернопольской областях, где Ярослав Галан часто выступал перед населением в дни становления новой жизни. В патриотической работе и поступках юных галановцев я вижу продолжение славной жизни Ярослава Александровича, бессмертие его дела.

Бессмертие

Помню осенний, теперь уже давний, день. Выйдя на улицу, я заметила, что, собираясь группами, люди взволнованно и тревожно говорили о чем-то. Пожилая женщина, вытирая глаза платком, сказала мне:

— Убили писателя...

Только дойдя до центра Львова, я узнала, что погиб Ярослав Галан.

Двадцать пятого октября 1949 года по улицам города двигался нескончаемый поток. Друзья, близкие, все, кто знал и любил Галана, его книги, все, кто вдохновлялся его светлыми идеалами, горестно провожали в последний путь писателя-борца.

С балкона своей квартиры, являющейся ныне литературно-мемориальным музеем, Галан любил смотреть на родной город, но никогда не был только наблюдателем. Нет. Он жил, жил полно, ярко, в непрестанной борьбе за все прекрасное на земле. Неисчерпаем был интерес его к окружающей жизни, к судьбам людей. Ему до всего было дело.

Мне пришлось говорить со многими людьми, побывавшими в музее на улице Гвардейской, и нет никого, кто не был бы глубоко взволнован. В представленных здесь документах, книгах, газетах, журналах, письмах и других экспонатах — раскрываются прекрасные черты нравственного облика Я. Галана — скромность, чуткость, глубокое внимание к людям труда, неукротимая страстная ненависть к фашизму, буржуазному национализму, мракобесию.

Мне хочется привести здесь слова посетителей, которые красноречиво говорят о любви народной к писателю. Люди идут сюда почтить память борца, укрепиться в мужестве, любви к Отчизне, правде.

«Галан — это коммунист, знаменосец интересов

трудового народа», — говорится в записи И. Юрны из Эстонской ССР.

«Уходя из этой тихой квартиры, — написал другой посетитель, — даешь себе слово: еще сильнее ненавидеть наших врагов, еще бдительнее стоять на страже Советской Родины, которую так горячо любил Галан и за которую он отдал жизнь».

Молодежь, которую так любил Галан, очень частая гостья в его доме. «Непримиримость ко всему, что мешает жить и трудиться на благо и счастье человека — была целью всей жизни Ярослава Галана», — написали взволнованные всем, что узнали о писателе, учащиеся 7 класса музыкальной школы-интерната.

«Если у меня будет сын, — написала в книге Л. И. Татар, — я обязательно назову его Ярославом и отдаю все силы, чтобы из него вышел сильный и честный человек — коммунист».

К Ярославу Галану приходят как к другу, советчику, учителю. «Дорогой Ярослав Галан! Я была верующей-штундисткою и среди них — овечкою, как в темной обители. Комсомольцы и друзья помогли мне и сказали: ты должна прочесть книги Галана. Пришла в твой дом, будто силы и выдержки набралась. Хочу жить без «страха божьего», как весь честный люд, как ты, герой наш!» Эти слова Мирославы из Ярычева как нельзя более ярко иллюстрируют тщетность надежд бандеровско-ватиканских убийц на то, что голос Ярослава Галана навсегда умолкнет.

Красные следопыты 85-й средней школы Саратова (руководитель группы ребят Ольга Сергеевна Дондукова) в книге отзывов написали: «Жизненный подвиг Ярослава Галана бессмертен».

Мне, работавшей в довоенные годы в редакции саратовской областной газеты «Коммунист», ра-

достно отметить, что саратовцы многое сделали, чтобы пополнить экспозиции львовского музея материалами о саратовском периоде творчества Я. Галана и работу поисковую продолжают.

Из материалов, поступивших во Львов из Саратовского городского Дворца пионеров и школьников, хочется вспомнить, в частности, письмо писательницы Марии Пригары. Она рассказала о том, как проходил в ноябре 1941 года в Саратове митинг представителей украинского народа и о том, каким был Галан в повседневной работе на радио. «Меня поражала чудесная память Ярослава, глубина и разносторонность его знаний,— пишет она.— Он великолепно знал литературу русскую, украинскую, польскую. Помню, как польские товарищи по памяти восстанавливали стихи Адама Мицкевича, нужные им для радиопередачи, а Галан помогал им в этом, громко декламировал по-польски вступление к «Пану Тадеушу».

И еще— каким мне запомнился Саратов?

Помню темные улицы и сад «Липки», занесенный снегом, зарево пожаров на Волге, когда фашистам удалось разбомбить нефтеналивную баржу, и нефть горела, никак не могла погаснуть... И помню саратовцев, которые чем могли, помогали нам, эвакуированным, так искренне радовались вместе с нами, когда приходили вести об освобождении городов и сел Украины».

Интересные сведения содержатся в переписке саратовских пионеров с группой галановцев средней школы № 17 города Львова, создавших у себя по инициативе учителя Нестора Корниловича Котровича музей Ярослава Галана.

СОДЕРЖАНИЕ

50 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1981**